

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИ НОВОМ ПАТРИАРХЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ АЛЕКСЕЯ МАЛАШЕНКО И СЕРГЕЯ ФИЛАТОВА

Сергей Филатов. Патриарх Кирилл — два года планов, мечтаний и неудобной реальности Борис Кнорре. Социальное служение современной Русской православной церкви как отражение поведенческих стереотипов церковного социума Игумен Петр (Мещеринов). Современное церковное сознание и светские идеологемы из коммунистического прошлого Александр Верховский. Национализм руководства Русской православной церкви в первом десятилетии XXI в. Роман Лункин. Образ РПЦ в светских массмедиа: между мифом о государственной церкви и фольклорно-окультурным православием Анатолий Пчелинцев. Русская православная церковь и армия: опыт истории и современные проблемы взаимодействия Валерий Овчинников. О православном образовании в России Андрей Окара. Украинская православная церковь (Московского патриархата): между экзархатом и автокефалией Надежда Белякова. Православная церковь в общественно-политической жизни прибалтийских государств

РЕЛИГИЯ В ЕВРАЗИИ

РЕЛИГИЯ В ЕВРАЗИИ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИ НОВОМ ПАТРИАРХЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ АЛЕКСЕЯ МАЛАШЕНКО
И СЕРГЕЯ ФИЛАТОВА

Москва
РОССПЭН

2012

УДК 322(470+571)
ББК 86.2(2Рос)
П68

Рецензент

доктор культурологии, профессор Е. И. Волкова

Книга подготовлена в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией — Московским Центром Карнеги при поддержке благотворительного фонда Carnegie Corporation of New York.

В книге отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги

The Russian Orthodox Church Under the New Patriarch.

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/publications>.

Научно-техническое обеспечение — Кристина Кудлаенко.

Православная церковь при новом патриархе / под ред. А. Малашенко П68 и С. Филатова ; Моск. Центр Карнеги. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 415 с. — (Религия в Евразии).

ISBN 978-5-8243-1566-0

В книге анализируются главные проблемы, стоящие перед Русской православной церковью, основные направления и новые тенденции в ее духовной и мирской деятельности. Обновление РПЦ связано с именем нового патриарха Кирилла, который стремится развивать миссионерство, выступает за воцерковление людей, индифферентных к вере и являющихся православными лишь формально. При новом патриархе церковь все активнее проникает в общественную жизнь, укрепляется в системе образования, в вооруженных силах. В статьях сборника также отмечаются и политические амбиции РПЦ.

УДК 322(470+571)
ББК 86.2(2Рос)

ISBN 978-5-8243-1566-0

© Carnegie Endowment for International Peace, 2012
© Российская политическая энциклопедия, 2012
© «РИА Новости», фото, 2012

Содержание Table of Contents

- 7 Об авторах
About the authors
- 9 *Сергей Филатов*. Патриарх Кирилл — два года планов, мечтаний и неудобной реальности
Sergei Filatov. Patriarch Kirill: two years of plans, dreams, and an uncomfortable reality
- 69 *Борис Кнорре*. Социальное служение современной Русской православной церкви как отражение поведенческих стереотипов церковного социума
Boris Knorre. Social service in the Russian Orthodox Church today as a reflection of behavioral stereotypes of Church society
- 121 *Игумен Петр (Мещерин)*. Современное церковное сознание и светские идеологемы из коммунистического прошлого
Father Superior Pyotr (Meshcherinov). Modern awareness in the Church and secular frames from the communist past
- 141 *Александр Верховский*. Национализм руководства Русской православной церкви в первом десятилетии XXI в.
Alexander Verkhovsky. Nationalism among the Russian Orthodox Church's leadership in the first decade of the 21st Century
- 171 *Роман Лункин*. Образ РПЦ в светских медиа: между мифом о государственной церкви и фольклорно-окультурным православием
Roman Lunkin. The Russian Orthodox Church's image in the secular mass media: between the myth of a state church and occult-folk Orthodoxy
- 223 *Анатолий Пчелинцев*. Русская православная церковь и армия: опыт истории и современные проблемы взаимодействия
Anatoly Pchelintsev. The Russian Orthodox Church and the armed forces: historical experience and problems in relations today

- 261 *Валерий Овчинников. О православном образовании в России*
Valery Ovchinnikov. On Orthodox education in Russia
- 311 *Андрей Окара. Украинская православная церковь (Московского патриархата): между экзархатом и автокефалией*
Andrei Okara. The Ukrainian Orthodox Church (under the Moscow Patriarchy): between exarchate and autocephaly
- 341 *Надежда Белякова. Православная церковь в общественно-политической жизни прибалтийских государств*
Nadezhda Belyakova. The Orthodox Church and public political life in the Baltic States
- 401 *Алексей Малашенко. Заключение*
Alexey Malashenko. Conclusion
- 409 **Summary**
Summary (in English)
- 413 **О Фонде Карнеги**
About the Carnegie Endowment

Об авторах

БЕЛЯКОВА НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории религии и церкви, Института всеобщей истории РАН.

ВЕРХОВСКИЙ АЛЕКСАНДР МАРКОВИЧ — директор Информационно-аналитического центра «СОВА».

ИГУМЕН ПЕТР (МЕЩЕРИНОВ) — настоятель подворья Данилова монастыря.

КНОРРЕ БОРИС КИРИЛЛОВИЧ — кандидат философских наук, доцент философского факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», участник исследовательского проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России».

ЛУНКИН РОМАН НИКОЛАЕВИЧ — кандидат философских наук, директор Института религии и права, ответственный редактор журнала «Религия и право», ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН, участник исследовательского проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России».

МАЛАШЕНКО АЛЕКСЕЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ — доктор исторических наук, член научного совета Московского Центра Карнеги, сопредседатель программы «Религия, общество и безопасность».

ОВЧИННИКОВ ВАЛЕРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ — кандидат исторических наук, советник I класса Министерства иностранных дел России в отставке.

ОКАРА АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ — кандидат юридических наук, директор Центра восточноевропейских исследований, автор исследований по восточнохристианской социальной этике и по теории модернизации.

ПЧЕЛИНЦЕВ АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ — кандидат юридических наук, сопредседатель некоммерческого партнерства «Славянский правовой центр», старший партнер адвокатского бюро «Славянский правовой центр», главный редактор журнала «Религия и право».

ФИЛАТОВ СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Европы РАН, руководитель исследовательского проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России».

Социальное служение современной Русской православной церкви как отражение поведенческих стереотипов церковного социума

Борис Кнорре

Когда у митрополита Питирима (Нечаева) на одной из общественных встреч спросили, как к нему обращаться, то владыка ответил: «Обращайтесь ко мне просто — Ваше Высокопреосвященство».

Из современного церковного фольклора

Введение

Социальное служение церкви можно рассматривать с двух разных позиций: с одной стороны, акцентировать внимание на достижения в сфере социального служения и динамики его развития, с другой — исследовать принципы организации социального служения с точки зрения поведенческих особенностей членов церковного социума, т. е. изучать, что представляют собой сами церковные социальные работники, на каких принципах строится организация инициатив в православном сообществе. Такой подход может немало сказать о церковной субкультуре, дать эмпирику для понимания «культурного кода» жизни церковного социума. Представляется, что этот разговор актуален, поскольку помогает увидеть, как, в какой мере и что православие может сегодня дать России, в какой степени оно способно содействовать благу в нашей жизни.

Что такое социальное служение? Это достаточно емкое и широкое понятие, деятельность, ориентированная не на частные интересы актора, а на благо социума. С одной стороны, это помощь социально не защищенным,

не адаптированным, обделенным категориям населения, не сумевшим встроиться в жизнь социума (т. е. духовно-психологическая и материальная помощь тем, кто оказался за «социальной чертой»: заключенным, инвалидам, детям-сиротам, страдающим разного рода зависимостями и пр.). С другой стороны, это деятельность, направленная на поддержание или повышение уровня жизни самого социума, ориентированная на вполне встроившихся в него членов, в большей степени на тех, кто обладает не реализованным социальным потенциалом, т. е. на молодежь. Это воспитание, образование, организации досуга, создание для молодежи тех или иных перспектив творческой и профессиональной реализации. Сюда также относится диалог общества с государством с целью принятия соответствующих социальных программ, направленных на рост благосостояния населения, на решение демографических проблем, поддержку семьи и тех или иных социальных институтов.

Русская православная церковь (в данной статье мы ограничимся разговором о Русской православной церкви Московского патриархата) активно заявляет о своей особой нише на поле социального служения — о том, что может привнести в российскую социальную систему новые принципы и стратегии реабилитации людей, попавших в трудную жизненную ситуацию. Одновременно патриарх Кирилл указывает на встречные шаги со стороны государства в сторону большего доверия к церкви в сфере социального служения. Так, 5 апреля 2010 г. был принят закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» № 40-ФЗ. Среди социально ориентированных некоммерческих организаций — религиозные организации. Патриарх Кирилл считает, что принятие этого закона является «свидетельством признания той большой работы, которую Русская церковь и другие традиционные религии России осуществляют в социальной области». По его словам, это означает, что сегодня «можно совершенно по-новому строить отношения со светской властью, государством — как на федеральном, так и на региональном уровнях — в пла-

не взаимодействия в сфере столь востребованной нашим обществом социальной работы»¹.

Заметим, что в 2010 г. между церковью и государством были подписаны также следующие нормативные документы: «Соглашение между Русской Православной Церковью и МЧС России о взаимодействии в области оказания помощи пострадавшему населению в чрезвычайных ситуациях», «Соглашение о взаимодействии между Государственным антинаркотическим комитетом и Русской Православной Церковью», «Соглашение о предоставлении информации Главным управлением МЧС России по г. Москве Синодальному отделу по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви (Московского патриархата)»².

Как же в реальности осуществляет свое социальное служение церковь?

Доступная и недоступная конкретика

Поговорим сначала о социальном служении, понимаемом в узком смысле, т. е. о делах милосердия и благотворительности. Описывать реальные социальные достижения РПЦ очень непросто, так как картина весьма неоднозначная, не до конца прозрачная и не очень понятная. В чем-то она даже представляет собой загадку — прежде всего в силу того, что церковное социальное служение, хотя оно и получает непременно внешнее выражение, однако связано с внутренней жизнью церкви и церковного социума, которые изучены весьма недостаточно и остаются своеобразной *terra incognita*.

Что она позволяет увидеть? За последние двадцать лет Русской православной церковью было реализовано немало достаточно удачных социальных проектов. Есть социальные центры, получившие всероссийскую и мировую известность: Патриарший центр духовного развития детей и молодежи при Свято-Даниловом монастыре, комплексная служба «Милосердие», действующая при Комиссии по социальному служению епархии г. Москвы, большой социальный многопрофильный комплекс в поселке Саракташ Оренбургской

области, социальный центр в Нижнем Новгороде, реабилитационный центр «Вдохновение» в селе Никольском Рузского района Московской области, Свято-Дмитриевское сестричество в Москве, Свято-Алексеевская пустынь в Переяславском районе Ярославской области, детский дом в селе Ковалево Нарехтского района Костромской области, Душепопечительский центр им. Святого Праведного Иоанна Кронштадтского и многие другие. Известно о существовании немалого числа созданных в РПЦ служб милосердия, патронажных служб, приютов, организаций по поддержке семьи, о центрах реабилитации людей, страдающих разными видами зависимости, о работе в тюрьмах, опеке социально неадаптированных. Принципиально важно, что церковь не только опекает государственные учреждения, больницы, центры социальной опеки, но также смогла создать многие социальные учреждения на собственные ресурсы, часто без привлечения государственных средств.

Однако организация церковной социальной деятельности носила во многом хаотический характер. Во время патриаршества Алексия II церкви, как правило, не удавалось наладить координацию форм социального служения на межъепархиальном общецерковном уровне. Само сотрудничество Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению (ОЦБСС) с епархиями ограничивалось в основном распределением благотворительных вещей и гуманитарной помощи по епархиальным социальным учреждениям. В отчетах ОЦБСС, например, говорилось о распределении обуви в детские дошкольные и образовательные учреждения Южной Осетии, Вологодской, Воронежской, Ивановской и Московской областей или о распределении флаконов с гелем для душа и косметических наборов в социальные центры нескольких епархий. Отмечалась также деятельность Общества православных врачей России (согласно отчету ОЦБСС за 2008 г. оно имело отделения в 43 субъектах Российской Федерации, что расходится с текущими данными ОЦБСС, в которых указаны отдельные общества православных врачей в 8 субъектах³).

Ситуация дискоординации социального служения отражалась и в отсутствии единой свободной информации

по церковным социальным центрам. При попытках узнать в синодальных подразделениях конкретные цифры детских домов, патронажных служб, реабилитационных центров в целом по России оказывалось, что общих данных по РПЦ нет. Такой информацией не обладал и ОЦБСС. Там, например, не было реестра, в котором регистрировались бы церковные социальные учреждения. Попытки собрать сводную информацию предпринимались далеко не каждый год, обобщающие сведения презентовались фрагментарно, причем сведения эти вызвали множество вопросов. Так, к концу 2004 г. Отдел по социальному служению подсчитал социальные учреждения РПЦ, располагающиеся в епархиях на территории России, — 2253, среди которых были 161 детский приют, 183 церковных дома престарелых и 1577 благотворительных столовых⁴. В итоге под вопросом оказались 332 социальных учреждения, о которых не было сказано, какого они характера. В беседах с автором настоящей статьи сотрудники ОЦБСС откровенно признавали, что не владеют целостным представлением об организации социальной деятельности в епархиях. Это значит, что социальная деятельность в РПЦ в период патриаршества Алексия II на системном уровне не анализировалась и такая задача не ставилась.

Ситуация стала меняться через год после восшествия на патриарший престол Кирилла. Отдел по социальному служению был передан весной 2010 г. в ведение протоиерея Аркадия (Шатова), известного московского духовника, создавшего эффективно работающую социальную службу «Милосердие» и возглавлявшего к тому времени Епархиальную комиссию по церковному служению г. Москвы. Он вскоре принял монашеский постриг и был возведен в сан епископа с именем Пантелеимон. (Заметим, что приходская община о. Аркадия представляла собой достаточно сплоченную группу людей — их даже называли «шатовцами», им написано множество статей еще до того, как он стал епископом, поэтому мы будем цитировать его под священническим именем — «о. Аркадий Шатов».) Под руководством Шатова ОЦБСС наконец объявил о процессе создания базы данных по церковному служению Русской православной церкви. В итоге в 2011 г. на сайте ОЦБСС

появился соответствующий раздел, где представлены данные по церковным социальным учреждениям, проектам, инициативам, кроме того, перечислены государственные учреждения, которым оказывается помощь, категории нуждающихся и виды помощи. Однако в базе данных оказались размещена информация лишь из 45 епархий, действующих на территории России, и остается сделать вывод, что на призыв Синодального отдела откликнулись не все епархии РПЦ.

Итак, в разделе «Церковные социальные учреждения, проекты и инициативы» на начало апреля 2011 г. представлены следующие данные⁵:

- благотворительные аптеки — 1;
- благотворительные столовые — 108;
- благотворительные фонды — 13;
- богадельни — 21;
- больницы — 2;
- братства — 6;
- группы милосердия — 124;
- группы самопомощи для зависимых людей — 9;
- детские дома — 11;
- детские лагеря — 47;
- детские приюты — 39;
- детские сады — 23;
- добровольческие объединения — 20;
- епархиальные отделы/комиссии — 57;
- консультационные и/или справочные службы — 29;
- медицинские службы — 16;
- молодежные объединения или центры — 34;
- общественные организации/ассоциации — 45;
- патронажные службы — 5;
- православные библиотеки — 37;
- проекты/программы — 30;
- прочее — 33;
- пункты помощи заключенным и/или освободившимся из мест заключения — 7;
- пункты проката предметов ухода за больными — 1;
- пункты сбора и распределения вещевых и прочих недежных пожертвований — 92;
- сестричества — 51;

- социальные гостиницы — 36;
- центры защиты материнства — 11;
- центры социальной адаптации / реабилитационные центры — 30;
- церковные ночлежки — 4;
- школы/курсы трезвения — 8.

Таким образом, имеется около 1000 церковных социальных учреждений на 45 епархий. Об остальных епархиях сведений пока нет. Реальные сдвиги в плане налаживания информационной поддержки социального служения на общецерковном уровне налицо. Однако в итоге реорганизации сайта ОЦБСС, последовавшей после смены руководства в 2010 г., произошла странная вещь — из доступа исчезла вся информация о социальном служении, которая размещалась на старом сайте. Хотя на нем не было создано базы данных или сводной информации по социальному служению, однако материалы по церковной социальной деятельности публиковались в течение нескольких лет в виде новостной сводки, была своя структуризация. Почему-то теперь все материалы до 2010 г. с сайта пропали. Контент сайта ОЦБСС наполняется с нуля...

Задача по теории множеств: «каждому храму — социальный объект, каждому объекту — храм»

Выбор патриарха Кирилла, назначившего протоиерея Аркадия Шатова в 2010 г. руководителем ОЦБСС, был не случаен. Шатов к этому времени зарекомендовал себя опытным руководителем и организатором церковной социальной деятельности. Возглавляемая им Комиссия по социальному служению при епархиальном совете г. Москвы смогла наладить систематическую деятельность, пожалуй, наиболее масштабную в рамках РПЦ за двадцатилетний период религиозной свободы в России. Комиссия была образована в 2004 г., при ней также был сформирован многофункциональный социальный центр — служба «Милосердие», объединившая 11 социальных проектов⁶:

- Свято-Спиридоньевскую богадельню, созданную еще в 1999 г., где живут 12 лежачих стариков;
- Свято-Димитриевский детский дом;

- Свято-Софийский детский дом;
- патронажную службу, обеспечивающую уход на дому за 47 одинокими стариками, инвалидами и ВИЧ-инфицированными;
- автобус «Милосердие», курсирующий по Москве для спасения бомжей от замерзания и оказания им медицинской помощи;
- службу помощи бездомным в московских больницах, занимающуюся реабилитацией бездомных (около 1500 человек в год);
- помощь детям-инвалидам и взрослым инвалидам;
- помощь брошенным больным — опека в Первой градской больнице и больнице Святителя Алексия;
- Дмитриевскую общеобразовательную школу, в которой учатся 170 детей — детдомовцев и многосемейных;
- круглосуточную справочную телефонную службу «Милосердие», предоставляющую справочную информацию о церковной и светской социальной помощи в Москве и регистрирующую просьбы от нуждающихся;
- сайт «Милосердие.Ru» (<http://www.miloserdie.ru>) — средство координации нуждающихся в помощи людей с теми, кто может ее оказать (ресурс ежедневно обновляется).

Но главная заслуга «шатовцев» не столько в создании собственных служб, сколько в актуализации самой темы социального служения. Служба «Милосердие» сразу сделала акцент на серьезную информационную работу. Первая база данных по церковному социальному служению была создана силами именно этой комиссии. В рамках базы данных был составлен перечень всевозможных видов церковных и государственных социальных служб, а также информационная сводка о том, какие социальные объекты за каким храмом закреплены в Москве и Московской области⁷.

Согласно информации, представленной в базе данных, в Москве имеются следующие церковные социальные объекты, подразделения и службы церковных приходов⁸:

- благотворительные столовые — 23;
- благотворительные фонды — 3;
- богадельни — 7;

- братства — 6;
- группы милосердия — 64;
- детские дома — 6;
- детские лагеря, скаутские организации — 5;
- курсы патронажных сестер и сестер милосердия — 3;
- медслужбы — 8;
- молодежные объединения и центры (военно-спортивные лагеря, досуговые центры и пр.) — 14;
- общественные и некоммерческие организации — 4;
- патронажные службы — 12;
- православные библиотеки — 3;
- православные приюты — 6;
- пункты сбора и распределения пожертвований — 55;
- сестричества — 13;
- службы помощи заключенным — 25;
- службы помощи семье — 11;
- училища — 4;
- центры реабилитации наркозависимых, алкоголиков, жертв сект и бывших заключенных — 15;
- юридические службы — 4.

Есть еще не ранжированные по профилю центры: благотворительные душевые для бездомных и малоимущих при храме св. великомученицы Ирины в Покровском, льготная подписка на широкий спектр православных изданий по редакционным ценам при храме пророка Илии в Обыденском переулке, Служба трудоустройства иммигрантов из ближнего зарубежья при храме св. Григория Неокесарийского в Дербичах, Центр милосердия, благотворительности и социального служения при Богоявленском кафедральном соборе, экскурсионная служба при Николо-Перервинском монастыре.

Также в базе данных «Милосердия» есть статистика по не имеющим отношения к церкви социальным объектам Москвы и Московской области, по большей части государственным, окормляемым и не окормляемым церковными группами. Это детские дома, приюты, медицинские учреждения, милицейские подразделения и воинские части, образовательные учреждения, общественные организации, пенитенциарные учреждения, учреждения социальной защиты.

При всем положительном впечатлении, которое производит эта база данных, беспрецедентная для православных информационных ресурсов, сведения в ней все-таки неполны. Например, в ней нет упоминания о некоторых значимых социальных учреждениях, в частности, об имеющем международную известность реабилитационном центре «Вдохновение» в селе Никольском, о детском сиротском центре в селе Иудине, воспитанники которого одновременно приучаются к делам милосердия, занятию с детьми-инвалидами, о Преображенском содружестве малых православных братств и его социальной деятельности.

Не все данные соответствуют действительности, так как база составляется на основе отчетов храмов о социальной деятельности, в которых содержится порой чисто номинальная информация. То есть приписанность храма к какой-либо больнице может быть сделана по факту освящения больничных помещений священником, что еще не означает постоянного окормления. Указание той или иной патронажной службы может быть устаревшим, последствием нереализованного проекта, как в случае с патронажной службой при Высоко-Петровском монастыре, которая указана в базе данных, но на самом деле давно уже не существует...

Разумеется, ошибки, закравшиеся в базу данных службы «Милосердия», не снижают ценность актуализации темы социального служения в информационном пространстве. Однако такой подход — желание проиллюстрировать идеальное представление о церковном социальном служении в виде идеальной схемы «храм — социальный объект» обнаруживает определенную искусственность. Здесь, возможно, отражается не только стремление церкви к максимальному обеспечению масштаба социального служения, но и желание показать нацеленность на полный охват социальной деятельности и опеки нецерковных учреждений, т. е. продемонстрировать, что деятельность государства и церкви в решении социальных болезней общества должна быть неразрывна. Заметим, что налаживание информационной поддержки социального служения на общецерковном масштабе после смены руководства ОЦБСС в 2010 г. не означает автоматического решения проблемы

дискоординации между социальными центрами и выведения процесса организации социального служения на общецерковный уровень — это отдельная проблема, на которой мы остановимся ниже.

Церковным службам гораздо успешнее удастся мобилизовать ресурсы в момент стихийных бедствий или каких-либо чрезвычайных ситуаций. Например, Отдел по социальному служению сумел показать положительные результаты в конкретной ситуации национального бедствия — речь идет о пожарах летом 2010 г. 31 июля 2010 г., опередив МЧС России, ОЦБСС объявил сбор помощи погорельцам, став вскоре крупнейшим центром сбора и координации материальной помощи пострадавшим⁹. 1 августа с особым обращением выступил патриарх Кирилл, который призвал организовать «специальные сборы помощи во всех храмах Русской Православной Церкви»¹⁰. Согласно данным, предоставленным главным редактором интернет-портала «Православие и мир» Анной Даниловой, уже за неделю церковь только деньгами и только через ОЦБСС (не считая прямых сборов в храмах) собрала 5 млн руб.¹¹ Согласно сведениям, обнародованным епископом Пантелеимоном (Шатовым), всего за месяц церковью в итоге было собрано 78 млн руб. пожертвований. Примерно 8 тыс. добровольцев приняли участие в сборе и отправке помощи пострадавшим от пожаров, которые осуществлял ОЦБСС¹². В целом ОЦБСС удалось собрать примерно 100 млн руб., детальные отчеты об их распределении публикуются на его сайте.

Нельзя не отметить помощь Отдела по социальному служению пострадавшим еще до реорганизации, в период руководства митрополита Сергия (Фомина). Согласно данным, предоставленным ответственным секретарем ОЦБСС игуменом Серафимом (Кравченко), в 1990-е годы силами отдела была оказана помощь пострадавшим от землетрясения на Сахалине, получателями гуманитарной помощи стали жертвы террористических актов в Москве и Волгодонске, 60 т продуктов питания было направлено в 2001 г. в Якутию для распределения среди пострадавших от наводнения. Оказывалась помощь пострадавшим в столичном метро во время терактов, жертвам Беслан-

ской трагедии, пострадавшим в результате военных действий в Ливане¹³.

Молодежные проекты

Перейдем к социальному служению, понимаемому в широком смысле, как деятельность, направленную не на проблемные слои общества, а на обычных людей. Наиболее приоритетной категорией такого служения обычно являются подростки и молодежь, и в церкви это служение выделено в отдельное направление.

В РПЦ есть Синодальный отдел по делам молодежи, есть «Всероссийское православное молодежное движение» (ВПМД), созданное как общероссийская общественная молодежная организация при Отделе по делам молодежи. Во время многочисленных церковно-общественных конференций, пожалуй, самое большое место после религиозного образования и православной культуры занимает молодежная тематика. Много слов говорится о важности молодежного служения, привлечения молодежи к церковным инициативам, обеспечения условий для развития профессиональных навыков, для раскрытия творческих способностей молодежи и т. д. Наконец, наиболее броским меседжем церковной заботы о молодежи являются слова о защите ее от нравственной деградации, привитии ей нравственных ценностей — ответственности, целомудрия, уважения к старшим, к Отчизне и пр. Однако в реальности наблюдается большое расхождение между поставленными и реализованными задачами.

При создании Отдела по делам молодежи РПЦ в 2000 г. в качестве его задач было записано следующее:

- организация миссионерской работы среди молодежи;
- привлечение молодежи к социальному служению церкви;
- обобщение и распространение опыта православного молодежного движения на приходском, благочинническом, епархиальном и общецерковном уровне;
- поддержка православного семейного воспитания;
- организация различных форм общения православных молодых людей;
- создание информационного пространства для православной молодежи;

- организация воспитательной работы, досуга и дополнительного образования для детей и молодежи в церковном приходе;
- подготовка педагогов к деятельности по традиционному духовно-нравственному воспитанию детей и юношества;
- подготовка священнослужителей и мирян к педагогической деятельности;
- оказание помощи общественным и государственным организациям в проведении воспитательных программ, опирающихся на традиционное духовно-нравственное образование детей и молодежи.

Отчасти эти задачи выполняются, однако масштаб их реализации оказался небольшим, он редко распространяется на масштабы епархии и уж совсем не охватывает общецерковный уровень.

Особенно сильная нестыковка обнаруживается в том, что касается поддержки института семьи и православного семейного воспитания. В Москве всего 10 церковных социальных центров помощи семье, а во многих епархиях таких центров вообще нет. По словам заместителя руководителя Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи (ПЦДРДМ) Юрия Белановского, «...Церковь не может показать обществу пример достойного отношения к семьям. Даже для “своих” семейных и многодетных мы не можем создать достойного рынка труда. На церковные зарплаты невозможно содержать семью даже из трех человек. Это зачастую относится и к коммерческим областям церковной жизни, где зарплаты также еще ниже, чем в светском обществе»¹⁴.

Большинство постоянно действующих молодежных центров в епархиях работают сами по себе, без серьезной консолидированной поддержки. Отделу по делам молодежи и ВПМД не удалось наладить общецерковную координацию епархий в сфере молодежного служения и поддержку епархиальных молодежных центров. По сравнению с Отделом по социальному служению Отдел по делам молодежи сильно проигрывает и в организации информационной политики. У него нет даже своего интернет-сайта. Информационное пространство для православной молодежи, прописанное в качестве одной из задач отдела, так

и не создано. А на тех интернет-ресурсах, где как-то освещается деятельность молодежных организаций, нет никакой информации о региональных молодежных отделах или региональных отделениях ВПМД.

Реально действующими церковными молодежными проектами межъепархиального характера являются «Братство православных следопытов» (БПС) и регулярные слеты православной молодежи в Подмосковье под названием «Федоровский городок», ставшие центральным мероприятием ВПМД. «Федоровский городок» выступает в качестве уникальной образовательно-воспитательной площадки и места разработки различных молодежных проектов, он организуется усилиями в основном двух людей: Александра Ракитина и иеромонаха Дмитрия (Першина). В «Федоровском городке» участвуют около 20 епархий. «Братство православных следопытов» развивает скаутское движение в России. Согласно официальным данным его отделения действуют в Костроме, Екатеринеодаре, Кемерово, Краснодаре, Нижнем Новгороде, Твери, Туле и некоторых других городах, при этом ареал БПС не ограничивается Россией, оно имеет свои отделения на территории Украины, Белоруссии, Казахстана — в целом 18 отделений, в которых согласно официальным данным Московской патриархии получают православное воспитание более 12 тыс. детей и подростков¹⁵. В текущем году отделение БПС открылось также в Волжском Волгоградской области.

В целом же есть трудности с тем, чтобы привлечь молодежь к активной жизни в церкви. В некоторые храмы молодежь вообще не заходит. Исправлять эту ситуацию пытаются достаточно искусственным путем. Например, епископ Барнаульский и Алтайский Максим (Дмитриев) просит настоятелей приходов «принять к сведению», что он желает во время своих визитов в приходы видеть на богослужениях «побольше молодых людей». В результате священники, не желающие раздражать начальство, начинают под разными предлогами уговаривать прихожан и знакомых «привести детей», увлекают юнцов в храмы под разными предлогами, даже подарками...

Наиболее успешными в работе с молодежью и организации молодежного досуга являются центры евангельско-

го характера — те, что не просто организуют молодежные слеты и досуг, но пытаются воздействовать на молодежь через социальное служение. Они предпочитают не лобовое зазывание молодежи на богослужения, а привлекают людей в качестве добровольцев для посещения больниц, богаделен, детских приютов и через эти формы служения знакомят с христианством, устраивая наряду с социальным служением евангельские беседы. Наиболее известными подобными центрами являются Школа молодежного служения Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи, имеющая уже более 100 добровольцев, которой удалось в 2010 г. организовать курсы подготовки молодежных лидеров для работы в приходах. Состоялся первый выпуск в количестве 50 человек. Также известен церковно-приходской центр по воспитанию детей-сирот в селе Иудине. Разные формы вовлечения молодых людей в дела социального служения практикуют «шатовцы» — служба «Милосердие». Но в настоящее время центров, использующих подобные формы воспитания, очень немного.

В 2009 г. ввиду неудовлетворенности незначительностью масштабов работы с молодежью руководство РПЦ почти было готово решиться пойти на беспрецедентные меры — допустить формирование мало зависящей от духовенства «параллельной системы» катехизаторов молодежи. Речь идет о получившем государственную поддержку проекте Бориса Якеменко по организации Общероссийского общественного православного движения на базе православного корпуса движения «Наши». Движение создавалось уже в течение трех лет независимо от ВПМД, а вместо Отдела по делам молодежи его деятельность стал в 2009 г. координировать новосозданный Отдел по взаимоотношениям церкви и общества (ОВЦО) во главе с протоиереем Всеволодом Чаплиным. Интересно, что союзниками инициативы «Православного корпуса» оказались наиболее деятельные и готовые к инновациям центры: ПЦДРДМ и миссионерский центр покойного отца Даниила Сысоева.

Стратегия «Православного корпуса» — активное вовлечение в миссионерство мирян, введение в храмы штатной должности катехизатора-мирянина. Новизна проекта

в том, что предполагалось внедрение в приходы независимых от их структуры мирян-миссионеров из организации, которая создается «не в рамках Русской православной церкви», по откровенному признанию Бориса Якеменко. Миссионеры должны были выбираться не приходом храма, а назначаться руководством «Православного корпуса» при координации со стороны ОВЦО. Предполагалось, однако, что миссионеры-катехизаторы должны были говорить от лица православия и, в частности, того храма, к которому прикреплены, должны были организовывать при храме клубы, знакомиться с молодежью района, и подразумевалось, что «по цепочке эта связь должна расширяться»¹⁶. Фактически это означало попытку создания новой институциональной формы в русском православии. Однако отношение церковного руководства к этому проекту в итоге изменилось. Информации о его поддержке и тем паче внедрении нет. Похоже, что в РПЦ чего-то испугались... Можно предположить, что церковная администрация могла не захотеть того сотрудничества, которое предлагал Якеменко, скорее не из идейных, а из административных соображений. Ведь внедрение сотрудников из параллельной по отношению к приходской структуры создавало бы прецедент отхода от сложившейся церковной системы административно-иерархической субординации, что трудно допустить, если учитывать ее организационную жесткость и бюрократичность.

Религиозное образование и катехизация

Выступая на церковных и церковно-общественных форумах, патриарх Алексей II не раз говорил, что религиозное образование является «приоритетной задачей Русской Православной Церкви». Теме религиозного образования и катехизации из года в год посвящалось изрядное число конференций, встреч. Самый крупный церковно-общественный форум — «Международные Рождественские образовательные чтения», которые хотя в итоге и включили в свою повестку дня самые разноплановые темы взаимодействия церкви и общества, были организованы ради обсуждения проблем религиозного образования и катехизации. Проходя ежегодно начиная с 1993 г., «Чтения» стали

собирает православных учителей и педагогов со всей России, показывая, что они готовы обсуждать и координировать свои действия по выработке наиболее успешных стратегий православного образования и катехизации.

Однако в реальной практике открытия православных образовательных учреждений обнаружили немалые противоречия. Если говорить об организации несистематического образования и катехизации, то эта работа ведется. При приходах стали открываться церковно-приходские воскресные школы для детей, а иногда и для взрослых. Образование этих школ представляло собой довольно стихийное, хаотичное явление. Поскольку ознакомление с основами православной веры ни к чему не обязывало, процесс шел достаточно легко. При благоприятном положении прихода такая школа открывалась, содержание предметов в ней определялось наличием человека, способного их преподавать, как правило, за символическую плату. Поскольку какого-то стандарта работы таких школ не существовало, они могли гибко подстраиваться под внешние обстоятельства. Они могли быть и без особых проблем закрыты. В целом в России согласно данным Отдела религиозного образования и катехизации в 2008 г. действовало 5275 таких школ¹⁷.

Гораздо более сложные ситуации возникали при попытках организации среднеобразовательных православных школ. Во многом их создание отвечало желанию священников и наиболее активных прихожан не отдавать детей в обычные государственные школы, а предоставить им образование по «особой модели», которая обеспечила бы определенный духовно-нравственный климат, церковный присмотр, углубленное изучение церковной истории и культуры.

В распоряжении организаторов гимназий на первое время оказалось немало энтузиастов-педагогов, пожелавших трудиться на ниве религиозного образования, пожертвовав материальными интересами. Учитывая масштабы строительства храмов и возрождения православия в России, можно было ожидать, что православные гимназии займут определенную нишу в системе среднего образования страны.

Однако вскоре выяснилось, что уровень образования в них отнюдь не высок. Первые выпуски на рубеже тысячелетий подтвердили это: процент поступивших в вузы среди выпускников этих гимназий оказался очень мал.

Попытки поднять уровень образования вызывали порой откровенный протест со стороны православных родителей. Показателен случай с Ясневской классической гимназией «Радонеж», на которую родители исключенных из нее двоечников составили в 1998 г. рапорт патриарху Алексию II. «Радеющие за Православие» обвинили классическую гимназию в увлечении «эллинским языческим суемудрием» (так как в ней много внимания уделяется изучению античной истории и культуры, древнегреческого и латинского языков), обличители указывали на завышенность и бессмысленность информативно-образовательной нагрузки. Донос был направлен также и в московский комитет по образованию, причем в нем был сделан акцент на отсутствие специально оборудованных классов химии и физики, что являлось следствием отсутствия финансирования гимназии.

Как раз именно эта гимназия давала действительно сопоставимый с государственными школами уровень образования, в чем-то выигрывая перед ними. Практически все ее выпускники поступали в престижные вузы Москвы — МГУ, МГИМО, РГГУ, Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Высшую школу экономики, медицинские институты, Московский государственный художественно-промышленный университет им. С. Г. Строганова и др. 20% выпускников выбирали высшие православные учебные заведения, что также ставилось гимназии в вину (слишком мало кадров готовит для церкви!)¹⁸.

Процесс открытия гимназий вскоре остановился. Многие гимназии столкнулись с неразрешимыми материальными трудностями. К концу 1990-х годов в России действовало всего лишь 150 православных среднеобразовательных школ, в том числе 52 в Москве и области. Сегодня общее число гимназий в России осталось примерно тем же¹⁹, за десять лет ситуация существенно не изменилась. Многие православные гимназии продолжают балансировать на грани выживания, некоторые даже закрываются²⁰.

Отчасти результатом провала организации широкомасштабного гимназического образования явилось страстное желание церкви наладить преподавание предметов православной культуры в обычных светских государственных школах (разумеется, это далеко не единственная причина), т. е. занять нишу в государственной системе образования, не сумев наладить собственную.

Конечно, причины провала организации широкого гимназического образования во многом связаны с плохим финансированием. Но, желая решить проблему недофинансирования, церковь не пошла по пути консолидации церковного социума для поиска внутренних средств, а стала искать вину вовне — в отсутствии интереса со стороны государства. Церковь не захотела серьезно заниматься причинами отсутствия солидарности у своих членов. Удивительно и равнодушие к делу православных гимназий в высших учреждениях церковной администрации. Информацию о точном количестве гимназий непросто получить даже сотруднику Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ.

Определенным достижением является появление первых в русской истории открытых высших духовных школ, часто к большому неудовольствию отдельных архиереев — сторонников традиционных духовных школ (академий и семинарий). Согласно официальным данным Отдела религиозного образования и катехизации сегодня в России 10 православных вузов. Помимо Москвы и Санкт-Петербурга они есть в Волгограде, Новосибирске, Армавире, Иванове²¹. Не все, однако, отвечают по своим масштабам статусу вуза, а являются вузами номинально — в результате перерегистрации православных курсов, пожелавших повысить свой статус. Не все православные вузы даже имеют свой сайт, что сегодня необходимо для привлечения абитуриентов.

По-настоящему путевку в жизнь получили лишь Православный Свято-Тихоновский богословский институт, доросший даже до статуса университета, Свято-Филаретовский институт, возглавляемый священником Георгием Кочетковым, Волгоградский православный университет. Тихоновскому университету, однако, эта «путевка» досталась дорогой ценой — с одной стороны, путем

самоотверженного труда преподавателей, до недавнего времени работавших в нем почти бесплатно, и ценой физического и нервного срыва немалого числа студентов, в нем учившихся, некоторые из которых попали в процессе обучения в психиатрические больницы. Становление университета происходило с надрывом, через немалые издержки и жертвы конкретных людей.

На роль элитного православного вуза претендовал Российский православный университет, открывшийся в 1993 г., однако, не справившись с намеченными задачами, он был редуцирован до статуса института и ныне балансирует на грани выживания. Не все его факультеты и отделения имеют государственную аккредитацию, у него нет постоянных источников финансирования, почти все лучшие преподаватели из него ушли.

Заметим также, что в Москве есть такой благополучный вуз, как Библейско-богословский институт, организованный учениками отца Александра Меня, но он не является православным, по типу он межконфессиональный, свою деятельность со священноначалием не согласовывает и не встроен в структуру РПЦ.

Субкультурные особенности церковного социума и системные проблемы организации социальных инициатив

В предыдущих разделах мы рассмотрели социальное служение РПЦ, в основном с точки зрения внешних показателей. Бросается в глаза очевидное противоречие. С одной стороны, мы имеем дело с очень масштабным институтом, выдвигающим немало идей социального характера, что побуждает ожидать серьезных результатов, тем более что налицо стремление многих энтузиастов к созиданию социальных форм на основе православного мировоззрения. С другой стороны, лишь очень малая часть социальных проектов церкви реально воплощается, причем зачастую в достаточно причудливых формах.

Отчего это происходит? Почему такие трудности возникают у церкви при реализации социальных проектов?

Представляется, что объяснение сложившейся ситуации нужно искать в особенностях устройства церковного социума, деловых и поведенческих особенностях церковной субкультуры. Что представляет собой церковный социум как таковой? Каковы его поведенческие установки и их воплощение в жизни? Какова повседневная жизнь его членов — не только духовенства, но и мирян, задействованных в церковно-общественной жизни или работающих на профессиональной основе в церковных организациях? Каковы принципы церковной деловой этики и церковного хозяйствования? Как строятся отношения между сотрудниками, что представляет собой церковный менеджмент?²²

По сути все эти вопросы можно сформулировать иначе. Чему сможем мы научиться при дальнейшем расширении влияния РПЦ в обществе? С какими чертами повседневного поведения нам предстоит столкнуться? Какие жизненные установки мы можем перенять у церковного сообщества? Чем может обернуться сегодняшнее «православное присутствие» в России? Попытаемся ответить на часть из них.

Дефицит солидарности и социальная несамодостаточность церковной среды

Есть одна серьезная проблема церковного социума, о которой в самой церкви почти не говорят, — это дефицит солидарности. Не только церковные социальные центры, но и большинство синодальных отделов жалуются на отсутствие или недостаток финансирования со стороны Патриархии. ОЦБСС сетует на то, что его бюджет формируется за счет добровольных пожертвований, в то время как из общецерковного бюджета средства на обеспечение и развитие его деятельности не поступают.

Те социальные проекты, которыми сегодня РПЦ все же может гордиться, являются инициативой отдельных энтузиастов, организуются на уровне церковного прихода. Его настоятель берет на себя все организационные тяготы, в то время как другие проявляют равнодушие, вопрос о поддержке той или иной инициативы на межприходском уровне обычно даже не ставится. По словам заместителя руководителя Патриаршего центра духовного развития

детей и молодежи Юрия Белановского, «совсем не часто, когда из доходов храма отчисляется хотя бы 5% на просветительскую и социальную деятельность»²³.

При организации православных гимназий бремя ложится на тот приход, который гимназию создавал. Случаи создания и поддержки православной гимназии на уровне благочиния крайне редки. Создание православной гимназии на епархиальном уровне (например, в Алма-Атинской епархии) — явление и вовсе исключительное. Ситуация парадоксальная: православные школы все-таки пользуются минимальной поддержкой государства, обращаются с просьбой о помощи к различным коммерческим организациям, но при этом не имеют никакой финансовой поддержки со стороны самой РПЦ, в структуру которой непосредственно входят.

Если сравнить положение православных школ с положением католических школ на Западе, можно увидеть, что в системе Католической церкви они занимают более достойное место. Например, получившие распространение на Западе так называемые Catholic Run Schools, организуемые силами католических орденов, на этапе становления получали существенную помощь церкви. Ватикан сумел задействовать общественные организации, специализированные фонды, рассчитанные на их поддержку.

Еще более вопиющим проявлением отсутствия солидарности внутри российского православного церковного сообщества является факт многолетнего недофинансирования Московской духовной академии и семинарии. Ее ректор архиепископ Евгений (Верейский) в конце 1990-х и начале 2000-х годов отмечал, что зарплата преподавателя академии меньше, чем у уборщицы. Патриарх Алексей II в этой связи постоянно просил на архиерейских соборах поддержать главную кузницу церковных кадров и богословской науки. Однако даже призыв первоиерарха церкви не возымел серьезного действия. Трудно увязать такую ситуацию с принципом соборности, который церковь призвана отражать по определению.

«Хрестоматийным» объяснением слабости социальной церковной деятельности является ответ «на все времена и лета», что у церкви нет денег, и за рамки этого ответа

объяснения сложившейся ситуации редко выходят. Но если этот аргумент еще как-то был оправдан в 1990-е годы, когда православие нужно было возрождать почти с нуля, то сейчас он неуместен. Аргумент отсутствия денег в контексте постановки широких социальных задач скорее может свидетельствовать о социальной несостоятельности самой церкви, чем оправдывать ее неудачи. Да он и не соответствует действительности. Осведомленный в церковной жизни миссионер Андрей Кураев еще несколько лет назад заявил, что «песню о том, что у Церкви нет денег, нужно забыть».

То, чего реально нет, так это нормальной системы распределения финансов как в большинстве церковных организаций, так и в церкви в целом. Об этом, в частности, свидетельствует несоразмерность между оплатой штатных сотрудников, задействованных в социальных организациях, и затратами на обеспечение «церковной парадности» — разного рода помпезных акций, фуршетов, масштабных «юбилейных концертов» с песнями и плясками в честь «торжества православия». Деньги могут расходоваться, например, на дорогостоящие полиграфические затраты — на оформление шикарных, с золотым тиснением билетов на то или иное мероприятие, и при этом не выделяться на обновление техники. Во многих организациях сотрудники до сих пор пользуются оборудованием прошлого столетия, устаревшими, плохо работающими мониторами, компьютерами, принтерами и пр. В Российском православном институте св. Иоанна Богослова в 2007 г. не хватало финансов на отопление помещений, преподаватели и студенты вынуждены были работать в почти не отапливаемом и сыром помещении, однако на «церковную парадность» финансы у руководства этого учреждения находились.

Положение с оплатой сотрудников обстоит еще хуже. В 2009—2010 гг. заработная плата работающих на полной ставке в Москве в подавляющем большинстве составляла 8—10 тыс. руб. в месяц²⁴. Средняя заработная плата сотрудников Отдела по церковной благотворительности и социальному служению в 2008 г. равнялась 8618 руб. в месяц, что составляло 87,2% прожиточного минимума для жителя Москвы. В некоторых синодальных учреждениях, таких

как ОВЦС, Управление делами Патриархии, уровень оплаты немного выше, но общей ситуации это не меняет.

Конечно, сама по себе низкая оплата труда в церковных организациях не является чем-то исключительным, сотрудникам, как правило, платят меньше и за рубежом, однако в российских православных организациях наблюдается определенная диспропорция между выделением финансов на пиар, помпу, парадность и тривиальной сметой оплаты труда штатных сотрудников. По откровенному признанию одного сотрудника, имеющего доступ к церковным акциям высокого уровня, «если бы одного “юбилейного концерта” не было, можно было бы достойно оплатить месячный (если не полугодовой) труд большой организации»²⁵. То есть можно было бы обеспечить сносную оплату труда всем тем референтам, преподавателям, редакторам, кураторам научно-практических конференций, сотрудникам служб по уходу за бездомными и больными, которые сами вынуждены откровенно выживать благодаря своей работе «во славу Божию».

В целом ситуацию в церковных организациях можно назвать цинично-иронической: распределение финансов там оказывается хуже, чем в «не солидарном» капиталистическом светском мире, который церковь немало критикует. Такое положение диссонирует с «заповедями», прописанными в «Своде этических правил хозяйствования», в которых говорится о недопустимости того, чтобы сотрудники «попадали в ситуацию социального выживания»²⁶.

Люди, желающие посвятить себя служению на церковной ниве, ради блага социума, нередко сами оказываются социально несостоятельными, если у них нет собственных материальных ресурсов. Речь не идет, конечно, о священнослужителях, зарплата которых, как правило, выше, чем у сотрудников-мирян. В российской глубинке священнослужители тоже нередко страдают, однако это уже не касается настоятелей приходов, которые имеют доступ к пожертвованиям и разного вида материальной помощи, адекватного распределения которой в церкви также нет.

Нельзя не признать, что определенные попытки изменить ситуацию предпринимаются. 1 декабря 2010 г. под председательством патриарха Кирилла был учрежден

Координационный комитет по поддержке социальных, образовательных, информационных, культурных и иных инициатив под эгидой Русской православной церкви. По словам патриарха, это орган, «который осуществлял бы управление всеми общественными инициативами в сфере образования, информации, культуры, социальной деятельности». Его создание оказалось связано с желанием придать общецерковный масштаб конкурсу поддержки социальных проектов «Православная инициатива», проводимому Благотворительным фондом преподобного Серафима Саровского на протяжении нескольких лет. Масштаб поддержки социальных проектов был увеличен втрое — были поддержаны 232 заявки. Всего на конкурс поступило 786 заявок из 64 регионов России и 21 региона ближнего зарубежья²⁷.

Однако шаги, сделанные в церковной политике, еще не означают изменения традиций, заложенных в самом церковном социуме, — непонимания, а порой откровенного пренебрежения материальными проблемами сотрудников, осуществляющих социальные проекты. Есть священнослужители, которые считают нормой, а иногда даже предметом гордости ситуацию, когда им удастся привлечь людей, работающих бесплатно. Так, московский протоиерей Максим Первозванский, главный редактор православного журнала «Наследник», во время дискуссии по молодежному служению, проходившей на XVIII «Рождественских чтениях» (2010 г.), заявил с явным чувством удовлетворения: «А у меня в редакции все сотрудники трудятся бесплатно!». Эта фраза прозвучала в устах священника в качестве примера «удачного» решения проблемы отсутствия средств...

Не менее серьезным выражением дефицита солидарности остается проблема повышенной конфликтности в церковных организациях. Интересно, что если человек «со стороны» узнает о существовании церковных организаций, он представляет себе церковную работу в достаточно идиллическом свете. Его воображению рисуются тихие мирные люди, упорядоченные, приветливые, вежливые уже в силу своей причастности к религиозному служению, священнослужителям церкви и ощущения церковных стен (в случае, если организация находится на территории

какого-нибудь монастыря или церковного прихода). Представляется, что эти люди готовы помочь, проявить солидарность, которой не хватает в светском обществе. Однако в действительности все оказывается не так. Привычными являются прессинг, проработки, чистки, интриги, нежелание учитывать реальные интересы сотрудников.

При всей помпезной бутафории церковно-общественных мероприятий реальные люди, которые не представляют политико-дипломатического интереса для церкви или церковного пиара, часто оказываются за гранью церковного «праздника жизни», не получая ни нормальной оплаты, ни уважения внутри церковной организации. По сути ситуация наглядно воспроизводит мысль, высказанную Ф. М. Достоевским в романе «Братья Карамазовы»: «Чем больше я люблю человечество вообще, тем меньше я люблю людей в частности, то есть порознь, как отдельных лиц»²⁸.

Основа трудового процесса и церковный менеджмент

В церкви есть представление, о котором очень часто говорит церковное руководство и которое накладывает отпечаток на специфику церковной деловой жизни. Оно состоит во взгляде на любую деятельность как на *служение* — ближнему, обществу, Отчизне. Тем более служением должна быть работа, которая связана с выполнением задач, поставленных самой церковью: в основе такой трудовой деятельности лежит церковная или церковно-общественная польза. Эта деятельность является по своему существу мотивированной, складывается в контексте религиозных идей, соответственно профессиональные цели здесь также воспринимаются не сами по себе, а в контексте мотивации.

Это означает, что труд «на церковной ниве» не должен быть «наемным», т. е. делаться ради денег и исполнения сугубо личных интересов. Его религиозное измерение в церковной субкультуре выражается в формуле «во Славу Божию». Именно она определяет основу трудового процесса, пронизывает церковно-трудовые отношения. Такой подход имеет немало достоинств. Принцип «во Славу Божию» дает широкую возможность привлекать к работе со-

трудников на общественных началах и рассматривать их труд не как договорную работу, а как помощь «благому делу»... Такой труд, конечно, не исключает материального вознаграждения, но делает соразмерность этого вознаграждения непринципиальной с точки зрения церковной деловой этики. В итоге вопросы распределения финансов в церковных организациях не любят ставить, что порождает массу проблем, к которым обратимся ниже.

Православная деловая этика имеет еще одну важную особенность. Все распоряжения, приказы, организационные инструкции, регламентирующие трудовой процесс, в церковных организациях, как правило, даются не отстраненно, а как «благословение», т. е. как сакраментальный акт, через который священнослужитель освящает жизнь и деятельность православных верующих, в частности, подтверждая богоугодность того или иного действия. Иногда благословение может давать человек без священного сана, например, игуменья. То, что делается «по благословию», с церковной точки зрения определено хорошо, а то, что «без благословения», — определено плохо, по крайней мере такие действия будут восприниматься как сомнительные, не церковные.

Несмотря на то что священник не может быть одновременно профессионалом во всех областях, деятельность сотрудников церковных организаций из совершенно разных, даже специализированных сфер должна поверяться его благословением, будь то организация библиотеки или пошивочная мастерская²⁹.

Заметим, что под «благословение» порой подпадают не только сферы церковной деятельности, но и сугубо светской, если в ней участвует воцерковленный человек. От «благословения» может зависеть даже исполнение служебных обязанностей. «Благословение» может даже снимать ответственность с сотрудника в случае служебных неудач. Например, автор неоднократно встречался с тем, что «по благословию» исследователи меняли темы своих работ. Приведем пример, когда сотрудник сугубо светского научного фонда, не имеющего отношения к церкви, рассказал о своем исследовательском проекте духовнику и получил такую «рекомендацию»:

«— Тебе нужно сходить в Епархиальное управление, получить на исследование благословение секретаря епархии отца Александра N.

— Почему, батюшка, обязательно ли это?

— Обязательно! Без благословения тебе вряд ли удастся хорошо справиться с заданием. Если будет благословение, то совесть твоя будет чиста. Даже если что-то “не так” напишешь, то особенно ничего страшного не будет, а вот если без благословения, то вряд ли сможешь хорошо работу сделать, и будешь чувствовать себя виноватым перед Церковью»³⁰.

То есть «благословение» в данном случае оказывается не только санкцией, одобрением действий, но и своего рода страховкой в случае сбоя в работе.

От «благословения» духовника сегодня может зависеть очень многое. Он может решить, какую зарплату платить на производстве (если его «духовное чадо» этим производством руководит), духовник может наложить вето на ту или иную профессиональную деятельность, наконец, может даже определить (если его «духовным чадом», например, является эксперт научного фонда), какой отзыв давать на ту или иную научную работу.

Автору также известен случай, когда эксперт научного фонда в случае затруднений давала отзывы на научные проекты «в соответствии с благословением духовника». Она доверительно рассказала: «Признаюсь, что мы ведь работы внимательно читать не успеваем, бегом проглядываем... Но я решила посоветоваться с духовником, а он сказал, что не нужно поддерживать такой проект, и я дала отрицательный отзыв»³¹.

Помимо «благословения» важнейшей категорией православной деловой этики является «послушание». Именно в качестве «послушания», т. е. действия, предполагающего взгляд на руководителя как на транслятора «Божьей воли», чаще всего воспринимается исполнение служебных обязанностей в церковных организациях. Значение «послушания» в хозяйствовании монастырских общин проанализировал в своем исследовании Иван Забаев³². Термин «послушание» имеет сугубо монастырское происхождение (это важнейший из трех монашеских обетов), однако он

оказался перенесен на деловые отношения — сначала в монастырях, а затем и в церковной жизни как таковой; эта категория оказалась актуальной и для церковно-мирянских организаций. Под послушанием может пониматься труд в церковной организации, так могут называться отдельные виды деятельности, распределенные служебные обязанности. Церковное начальство может «раздавать» послушания в зависимости от тех или иных нужд.

«Послушание» всегда исполняется «по благословению» — там, где нет «благословения», нет и «послушания». Соответственно «благословение» и «послушание» являются определяющими категориями православной трудовой этики, так как во многом определяют трудовой процесс, сакраментально окрашивая служебные инструкции и трудовые отношения между руководством и подчиненными. Если светским деловым отношениям свойствен условно-договорной характер, допускающий возможность согласования распоряжений с сотрудником, то характер церковных деловых отношений в большей степени безусловный. «Благословение» не предполагает рефлексии.

Подбор кадров в церковных организациях оказывается тесно связан с духовно-пастырскими отношениями. Поскольку руководящие должности в церковных организациях занимают в основном священнослужители, то наиболее доверенные сотрудники организации — это, как правило, «духовные чада» ее руководителя. Когда работник исповедуется у руководителя-священнослужителя, он этим демонстрирует предельное доверие к руководителю и откровенность. Иногда даже вопросы рабочего характера могут решаться во время исповеди. На исповеди сотрудники делятся и проблемами взаимоотношений друг с другом. Для священника-руководителя такой сотрудник удобен не только потому, что прозрачен, но и потому, что, относясь к руководителю как к духовнику, он восприимчив к его инициативам, надежен в плане выполнения личных поручений и наименее способен к критической оценке действий руководителя. В церковной традиции считается крайне зазорным осуждать или как-либо критически оценивать своего духовника или священника, который принимает исповедь.

Принцип «по благословию» имеет обратную сторону — «без благословения» сотрудники чаще всего вообще не решаются что-либо предпринять. При невозможности вовремя взять «благословение» у руководителя они зачастую вынуждены бездействовать. Поэтому во время отлучек, командировок и поездок руководителя рабочий процесс нередко стопорится. Популярная советская поговорка «инициатива наказуема» оказывается очень жизненной в условиях «церковного менеджмента», который сами сотрудники церковных структур иногда называют «тоталитарным»³³.

Например, с этим связана неоперативность подачи материала в церковных СМИ — заметим, что РПЦ пока так и не удалось создать новостное агентство, быстро и полно отражающее события в епархиях. Публикация новостных материалов страдает из-за того, что их нужно подписывать у высокопоставленного руководителя организации. Например, материалы православного мегафорума «Международные Рождественские образовательные чтения», в публикации которых автор участвовал, успевали сильно устареть к моменту публикации, так как подписи высокопоставленного церковного начальства сотрудникам редакционной группы приходилось ждать по несколько месяцев, а просмотр материалов никому не перепоручается. Ситуация достаточно распространенная. Не только публикации, но сами мероприятия, например, те или иные конференции, организационно зависящие от церкви, могут откладываться в течение долгого времени, пока отсутствует возможность получить подпись («благословение») на их проведение.

При этом церковный менеджмент на самом деле во многом копирует принципы приходов или епархий, позволяя руководителям очень легко, на основе эмоций принимать кадровые решения, увольнять сотрудников без предварительных санкций, выговоров. Заметим, что в епархиях распоряжения могут меняться, одно может отменять другое по несколько раз в день, создавая в церковных организациях ощущение хаоса — так, например, делали епископ Барнаульский и Алтайский Максим (Дмитриев) и архиепископ Владимирский и Суздальский

Евлогий (Смирнов), в один и тот же день издавая указ о перемещении священнослужителей на приходы и отменяя его³⁴. Настоятель храма, например, может «дать отставку» целому хоровому коллективу, даже если за него ходатайствуют прихожане храма и служащие в нем, и такие случаи — не исключение, а вполне привычная традиция. Сотрудники-миряне не имеют никакой возможности как-то повлиять на решение священника-руководителя, а дефицит солидарности не способствует решению этой проблемы.

Кроме того, помимо отсутствия нормальных механизмов защиты сотрудников-мирян или просто подчиненных, низших по иерархии священников по отношению к руководству в церковной организационной системе пока нет механизмов, обеспечивающих преемственность социальной работы, координацию между действующим руководителем, его предшественником и преемником. Суть проблемы в следующем. Как уже отмечалось относительно реорганизации Отдела по церковной благотворительности и социальному служению после смены его руководителя — митрополита Сергия (Фомина) и назначения протоиерея Аркадия Шатова, вся информация, публиковавшаяся при митрополите Сергии, исчезла со страниц обновленного сайта. Можно по-разному объяснять такое «обнуление», но так или иначе это показывает, что нынешние сотрудники ОЦБСС во главе с епископом Пантелеимоном (Шатовым) поступают как-то не консолидированно по отношению к прежней команде, от которой, кстати, остался прежний сотрудник — игумен Серафим (Кравченко). И подобная ситуация не единственная в организационной деятельности РПЦ, когда один руководитель проявляет неконсолидированность и недоверие к предыдущему, отказывается аккумулировать результаты работы, достигнутые при нем, предпочитая механизм перереформирования. Например, подобная ситуация произошла с официальным сайтом Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ «Prokimen.Ru». После того как архимандрита Иоанна (Экономцева) на посту председателя отдела сменил епископ Меркурий (Иванов), был создан новый официальный сайт, а большая часть содер-

жания прежнего (кстати, с опубликованными докладами многолетних «Рождественских образовательных чтений») оказалась недоступна читателям... Пожалуй, здесь мы имеем дело с еще одним важным проявлением недостатка солидарности в церковном социуме, уважения церковных акторов друг к другу и, вероятно, сталкиваемся с проблемой партикуляризма.

При всем внимании, которое при патриархе Кирилле стало уделяться административной стороне жизни церкви, о каких-либо механизмах защиты трудового или организационного процесса автору данной статьи ничего слышать не приходилось. В недавно принятом новом типовом уставе появилась лишь бóльшая правомочность для архиерея, но не прописаны механизмы защиты для священника или для членов приходского собрания³⁵. Вряд ли в таком контексте можно ожидать введения каких-либо механизмов защиты в процесс организации труда в церковных организациях. Проблема незащищенности их сотрудников от возможных злоупотреблений властью со стороны руководства в церкви, по крайней мере священноначалием, не ставится. Попробуем дать объяснение, почему так происходит.

Церковный деловой этикет и «презумпция виновности»

В церковных организациях существует особый деловой этикет, который представляет собой весьма своеобразную систему взаимоотношений церковных людей, немало отличающуюся от той, что принята в светском обществе. Эта система отражена главным образом в письменных деловых обращениях, нормах приветствия и прощания, нормах общения служителей церкви между собой и с мирянами.

Церковный этикет отражает высокую корпоративную самооценку, характерную для священнослужителей. Сами деловые обращения называются в церковных организациях не заявлениями, а прошениями, они часто начинаются с помпезных вычурных форм, выглядящих в контексте современной коммуникативной стилистики достаточно искусственными: «испрашивая благословения Вашего Высокопреподобия», «обращаясь к Вашей святине» и т. п. Имеется богатый спектр обращений в зависи-

мости от священного сана адресата. В случае обращения к диакону или иерею используется форма «Ваше Преподобие», к протоиерею, игумену или архимандриту — «Ваше Высокопреподобие», к епископу — «Ваше Преосвященство», к архиепископу — «Ваше Высокопреосвященство», к митрополиту — «Ваше Высокопреосвященство» или «Ваше Блаженство», к патриарху — «Ваше Святейшество»³⁶. Не только церковные титулы, но и руководящие должности (директор, председатель, президент, руководитель), обозначающие руководителя организации, пишутся с прописных букв.

Обычно такая эстетизированная форма обращений сопровождает письма или письменные обращения нижестоящего к вышестоящему. Она характерна как для сотрудников-мирян, так и для клириков при обращении к священнослужителям более высокого положения.

В письменных деловых обращениях подчиненных к вышестоящим сотрудникам заложено не только возвышение адресата, но и такое же вычурное самоприращение обращающегося. Типичными являются подписи, содержащие слова: «недостойный послушник (или послушница) Вашего Высокопреподобия», «нижайший послушник Вашего Преосвященства», «смиранный послушник такой-то», «многогрешная раба такая-то». Интересно, что такие подписи оказались очень распространены даже в прогрессивном Отделе внешних церковных связей Московской патриархии. Наигранное возвышение адресата и такое же наигранное самозанижение отправителя выливается, по выражению игумена Петра (Мещеринова), в своеобразный клерикализм с делением на «властителей» и «холопьев». Заметим, что общепринято, когда руководитель без каких-либо оговорок начинает обращаться к подчиненным на «ты». Разумеется, ситуация не предполагает симметрии...

На самом деле здесь проявляется укорененный в церковной традиции «стереотип виновного», «должника» — позиция актора, который заведомо признает, что не соответствует требованиям... В итоге он подталкивается не к осознанию исправления огрехов, а к настрою на «амнистию»... По церковному учению самопризнание вины должно поддерживать в человеке желание нравственного

самосовершенствования, но получается наоборот. Он оказывается «тотально виновным», «виновным априори», по требованию этикета. У такого «виноватого в целом» исчезают основания для конкретного осознания, в чем он именно виноват... Виноватый «во всем» на самом деле оказывается не виновен ни в чем...

Понятно, что в реальности церковные сотрудники оказываются психологически в положении «узника, мечтающего о свободе», они, разумеется, часто бывают не согласны с руководителем, но церковный этикет обязывает их все замалчивать, уходить даже от вполне доброжелательного разговора о проблемах организации. В итоге несогласие из-за отсутствия обратной связи трансформируется в недовольство и реальные сбои в работе. Такие «виноватые» подчиненные часто обсуждают начальника за его спиной, компенсируя тем самым свое униженное состояние. Показателен случай, когда одна церковная сотрудница, затеяв судебное разбирательство против ректора Российского православного института в 2006 г., не будучи в служебном подчинении у него, продолжала подписываться в своих деловых обращениях к нему: «Вашего Высокопреподобия недостойная послушница», и это ничуть не мешало ей вести с ним тяжбу, как только для этого представилась подходящая возможность...

В церковной системе отношений есть то, что волевым образом умаляет персональную ответственность человека в обмен на его добровольную капитуляцию как личности и как работника. Принципиальное значение здесь имеет категория «искушение», также происходящая из монастырского быта, но получившая в деловых отношениях референт, позволяющий списать все личные проступки на «воздействие извне», действия «бесов» и пр. Показательный пример приводит миссионер протодиакон Андрей Кураев, вспоминая свой разговор с проректором (будущим) Московской духовной семинарии, состоявшийся в 1988 г. в связи с несправедливым занесением ему выговора в личное дело:

«— Чем я согрешил? Какая самоволка? Я ехал по приглашению митрополита, члена Синода. Моя поездка была согласована с ректором Академии.

В ответ мне говорят, что моя в вина в том, что я не написал прошение на имя этого проректора... Опять не соглашаюсь:

— Какое прошение? Я же не прошусь, а исполняю уже данное мне послушание!

Видя, что его доводы меня не убедили, проректор добавил:

— Ну, понимаешь, Андрей, ведь идет Великий пост. Это время не может обходиться без искушений...

Вот с той поры меня тошнит от преизобилия нашего церковного словесного “елея”. Ему ведь КГБ велел меня приструнить, а он начал благочестивые туры на колесах громоздить»³⁷.

«Наша задача — помочь пациенту научиться полюбить свое страдание»

В церковном сознании существует очень примечательный феномен этической оценки плохого и хорошего, добра и зла, поскольку согласно распространенному положению добром считается то, что делается во имя Бога, а злом — то, что делается «без Бога». Но заостряя вопрос о понимании добра и зла, выразители современной церковной традиции нередко доходят до прямого противопоставления «светского» добра и «церковного»: первое соотносится с тем, что делается «во имя Бога», а второе — с тем, что «без Бога». Подобная позиция ставит естественное, врожденное чувство добра под большое сомнение, намекая, что привычное для «мирской» точки зрения добро на самом деле таковым не является.

Эта позиция сильно укоренена в русской церковной традиции, в частности, в писаниях епископа Игнатия Брянчанинова, являющегося «классиком благочестия» для современных православных верующих. «Нет никакого согласия между Евангельским добром и добром падшего человеческого естества. Добро нашего падшего естества перемешано со злом, а потому и само это добро сделалось злом, как делается ядом вкусная и здоровая пища, когда перемешают ее с ядом. Хранись делать добро падшего естества! Делая это добро, разовьешь свое падение, разовьешь в себе самомнение и гордость, достигнешь ближай-

шего сходства с демонами»³⁸. А по словам современного богослова архимандрита Лазаря (Абашидзе), то небольшое добро, которое есть в мире, «...существует для того, чтоб оттенять и *придавать большую сладость греху*, обострять его вкус. Само это добро пьет корнями своими оскверненную воду, тайные гордые, тщеславные помыслы тут же заглушают всякое искреннее, несколько возвышенное стремление души»³⁹ (выделено мною. — Б. К.).

Налицо жесткая дихотомия церковного и нецерковного, меняющая естественные представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. В мире вне церкви фактически почти не остается места для добра, церковная позиция не только обличает мир, но и сильно редуцирует его способность совершать добро. Поскольку в церковном представлении эта позиция сильно схематизирована, в итоге складывается своеобразный *принцип оппозиции* — восприятие ситуации «от противного»: то, что вне церкви хорошо — на самом деле плохо, а беды (на церковном языке «скорби») более предпочтительны, чем житейское благополучие. Коллизии в жизни человека, болезни, неудачи в личной жизни, на работе, в социуме объясняются как «знак свыше», как нечто положительное. Они трактуются либо как свидетельство того, что «Господь не оставляет», «воспитывает», либо как «искушение бесами», что тоже интерпретируется как хороший симптом... Нормальный благополучный процесс труда часто в церковных организациях сознательно не ставят в качестве цели, благополучная жизнь вообще воспринимается как признак чего-то не должного «с духовной точки зрения», исключения, чего-то такого, что обязательно должно закончиться и смениться новым периодом «божественной терапии»⁴⁰.

Эта инверсия находит отражение и в социальном служении. Так, в службе «Милосердие» заместитель руководителя по связям со СМИ Ирина Соловьева не скрывает, что у сестер милосердия и других сотрудников очень часто случается «синдром выгорания», с этим связана большая текучесть кадров, поиск новых сотрудников... Сам отец Аркадий признавался, что в их общине такие вещи «...происходили со многими сестрами... Есть замечательная сестра, которая возглавляла одно из подразделений. Она очень хорошо всем

занималась, много делала (это было начало дела, оно требует много сил). А потом она сломалась так, что около года лежала в клинике нервных болезней. И до сих пор до конца не оправилась»⁴¹. По предположению Ирины Соловьевой, высказанным автору этой статьи, «синдром выгорания» у добровольцев в общине происходит потому, что духовенство не хочет видеть реальных проблем, нагружает сотрудников сверх меры, совершенно не думая о каких-либо человеческих ограничениях, ссылаясь на то, что церковные таинства должны от всего исцелить...

«Утешение», которое предлагал своим сотрудникам бывший руководитель службы «Милосердие», это подтверждает. По сути, не дававшим монашеского обета девочкам — сестрам милосердия предлагались вполне монашеские максимы. Отец Аркадий в своих статьях апеллировал к аскетическим нормам «Добротолюбия» о том, что важно не только себя самого изнурять бесконечными ограничениями (которых у них и так хватает), а чтобы эти ограничения и скорби приходили извне дополнительно! Что болезни и страдания — естественное свойство духовного пути, свидетельство того, что люди делают добрые дела. В самом откровенном виде воспроизводилась формула: если Вам плохо — то это с точки зрения духовного пути нормально. Даже ухудшению здоровья отец Аркадий оправдывает тем, что хорошее здоровье может быть и «минусом» с точки зрения духовной жизни, так как способствует сластолюбию (в статье здоровье поставлено в один ряд с «богатством» и «славой» и имеет негативную коннотацию)⁴².

Проблема в том, что хотя подобная позиция и не всегда разделяется священнослужителями, но достаточно распространена и имеет системный характер, тем более что подход протоиерея Аркадия (теперь епископа Пантелеимона) — не частное мнение, а позиция руководителя Синодального отдела РПЦ, отвечающего за социальное служение. Приведем еще одно его знаковое высказывание, произнесенное в заключение «круглого стола», посвященного проблемам «выгорания» сестер милосердия, где будущий руководитель ОБЦСС заметил, что глобальная задача социального работника — «научить пациента полюбить свое страдание». Заметим, что возвышенное отношение

к страданию, свойственное русской церковной традиции, может, с одной стороны, утешать больных, приносить психологическое облегчение (особенно при паллиативной помощи), но, с другой стороны, воздействовать на стратегию реабилитации больных не лучшим образом — концентрировать их внимание не на выздоровлении, а на болезни.

Наконец, еще один момент — это само по себе недоверчивое отношение к инициативности. Отец Аркадий приводит «в утешение» своим добровольцам пример из монашеской жизни, говорящий о том, что воодушевление — не то, на чем нужно строить свою деятельность, лучше сначала перегореть. Отец Аркадий, в частности, приводил в качестве поучения историю из жизни одного монаха Афонского монастыря, которого долго не благословляли быть библиотекарем вопреки его собственным стремлениям. Благословение в итоге было дано только после того, как монах «перегорел» и к этому делу охладел...⁴³

Налицо наглядная иллюстрация того, как человека склоняют к тому, чтобы он меньше доверял себе, своим позитивным импульсам, так как они «от падшего естества». Предпочтительнее оказывается перестраховочное устранение от действия, чем творческая предприимчивость, инициатива очень часто оказывается наказуемой... Правомерность решиться на что-либо предполагается обоснованной после серьезных сомнений, фактически после того, как человек остудит свой творческий импульс...

Конфликт идейного и профессионального

Принцип распределения служебных обязанностей и решения сугубо профессиональных вопросов «по благословию» имеет неоднозначные следствия. С одной стороны, придание сакрального измерения труду необычайно возвеличивает его в глазах сотрудников, способствует мобилизации усилий для выполнения «послушаний», с другой — ведет к тому, что управление совершенно разными профессиональными отраслями сосредотачивается в руках священника. Именно священники занимают руководящие должности в церковных организациях, часто не связанные с их реальным образованием и профессиональными интересами. Эти должности также рассматриваются как «послушание».

Такой подход часто приводит к нарушению профессиональной субординации. В духовных школах — училищах, семинариях, православных вузах — уровень образования низок во многом из-за того, что в выборе между священником и профессионалом, не имеющим священного сана, предпочтение обычно отдается первому. Образование в гимназиях еще больше проигрывает по отношению к подготовке в светских школах. При организации церковно-научных и церковно-общественных конференций нет налаженной практики получения грантов в отличие от подобных светских структур.

На непрофессионализм, в частности, сетует председатель Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ епископ Меркурий (Иванов), объясняя неудачи в создании системы православных среднеобразовательных школ — гимназий, лицеев, учебных центров. По его словам, крах создания той или иной гимназии бывает тогда, «...когда во главе этого дела становятся непрофессионалы, даже если это настоятели храма. Человек может быть замечательным священником, но это совершенно не значит, что он может быть руководителем учебного заведения»⁴⁴. А профессиональные педагоги, люди с высшим образованием, с учеными степенями, способные возглавить образовательные учреждения, в силу сложившейся традиции обычно не назначаются директорами, так как предпочтение в деле руководства отдается священнослужителю⁴⁵.

Принцип бескорыстного служения, работы на энтузиазме также имеет двойное измерение. Он позволяет мобилизовать на работу, задействовать достаточно большие силы при немногочисленных средствах, однако существует и обратная сторона, сильно затрудняющая процесс работы в церковных организациях. Она сказывается именно там, где оказывается необходим профессиональный труд.

Многие виды работ в церковной социальной сфере требуют сегодня профессиональной вовлеченности, которая делает невозможным свободный график или совместительство и какую-либо подработку. Руководители церковных организаций рано или поздно начинают требовать задействованности сотрудника на полную ставку, в режи-

ме фул-тайм, порой утешая его тем, что основная зарплата «ждет его на небесах».

Конечно, реальность вносит коррективы в столь неадекватные трудовые условия. Как правило, сотрудники не отсиживают полные рабочие дни. Начальство волевым решением вынуждено смотреть на «нарушение» трудовой дисциплины сквозь пальцы, как бы снисходит к условиям жизни, «попускает» определенную вольницу, понимая, что требовать можно до определенного предела. Получается, что сотрудники действительно находятся в церковных организациях в положении людей, «которым прощают огрехи», проявляют к ним благосклонность... Это создает ощущение перманентной незащищенности, а главное, собственной заниженной оценки, что неминуемо сказывается на эффективности труда. Ведь человеку в любой момент могут перестать «прощать» и подойти со всей строгостью... По словам о. Андрея Кураева, между начальством и подчиненными складывается известный негласный статус-кво: «Мы делаем вид, что вам платим, а вы делаете вид, что работаете».

Дело оборачивается большой текучкой кадров, в результате которой просветительская и социальная деятельность церкви сильно хромает. Заместитель руководителя Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи Юрий Белановский, например, признает: «...Система работает на неофитах, пока они не обретут потребность в заработке. То есть постоянно идет перезапуск системы с нуля: старые ушли, и новые все начинают заново... Здесь действует принцип “во славу Божию”: есть энтузиаст — ну пусть он работает, мешать не будем. Нет энтузиаста — ну что ж, нет — так нет...»⁴⁶. Церковь оказывается реально не заинтересованной в профессиональной работе.

Однако случаются ситуации куда плачевнее, когда принесение в жертву профессионализма в угоду соблюдению во всем «конфессиональной выгоды» приводит к крушению реальных социальных инициатив, которые могли бы помочь очень многим. Вопиющий пример — попытка реализации программ содружества «Анонимных алкоголиков», которая во всем мире помогает десяткам тысяч страдающих людей.

Спор о том, «как шагать» вместо лечения

В начале 2000-х насаельник Свято-Данилова монастыря игумен Иона (Займовский) стал организовывать реабилитационные группы в сотрудничестве с известным международным содружеством «Анонимные алкоголики». Игумен Иона возглавил Православный реабилитационный центр «Метанойя», работающий по разработанной содружеством программе «12 шагов» и по соответствующей программе «12 шагов» для «Анонимных наркоманов»⁴⁷. Суть программ в том, что группы больных пытаются посредством бесед и совместных молитв избавиться от своей зависимости. Принадлежность больного к Православной церкви не является обязательной. Игумен Иона предложил на основе этих программ организовывать группы самопомощи при храмах. Идею поддержал патриарх Алексий II, ее активно стал реализовывать Патриарший центр духовного развития детей и молодежи при Свято-Даниловом монастыре.

Поэтому, когда программы «12 шагов» в силу своей действенности составили конкуренцию другим реабилитационным программам, очень просто оказалось задействовать аргумент обвинения в ереси. Против программ «Анонимных алкоголиков» ополчились многие церковные консерваторы, в частности, руководитель реабилитационного центра иеромонах Анатолий (Берестов). Апологеты методов отца Анатолия охарактеризовали эти программы как «лестницу к дьяволу», дискредитирующую церковь, заявив, что православный человек не должен при лечении использовать недогматические молитвы. Многие группы «Анонимных алкоголиков» в Москве в итоге оказались закрыты, священники запуганы. Американского происхождения программы оказалось достаточно, чтобы отвергнуть возможность эффективного лечения страдающих людей в угоду конфессиональной гордости⁴⁸.

В результате, как отмечает сотрудник Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи Александр Боженков, «Русская Церковь потеряла в Москве мощнейшую возможность помочь страждущим зависимостью людям, а в дальнейшем и воцерковить их». Как справедливо замечает миссионер, «...пять лет борьбы с АА (“Анонимными алкоголиками”. — Б. К.) — достаточный срок для расцве-

та православных программ, которым, якобы, мешали АА. Никакого обещанного со стороны о. Анатолия Берестова бурного роста православных программ по работе с зависимыми не настало. Центр о. Анатолия Берестова куда-то сгинул из информационного пространства, а новых, подобных ему в Москве так и не появилось»⁴⁹.

Православный взгляд на проблемы наркомании и алкоголизма имеет примечательную особенность. Соответствующие службы называются не просто центрами реабилитации наркозависимых и алкоголиков, а куда более интересно — «Центры реабилитации алкогольно- и наркозависимых, жертв сект, бывших заключенных»⁵⁰. А некоторые антиалкогольные и наркологические церковные центры вообще образовались на базе служб по борьбе с оккультизмом и нетрадиционными религиями, как, например, Душепопечительский центр св. Иоанна Кронштадтского, возглавляемый иеромонахом Анатолием (Берестовым), или Центр реабилитации жертв нетрадиционных религий им. А. С. Хомякова, созданный по инициативе священника Олега Стеняева. В 1998 г. к его прежнему названию добавилось «и наркозависимых». То есть реабилитация наркоманов и алкоголиков рассматривается в одном поле с реабилитацией заключенных и одновременно с противодействием нетрадиционным религиям и протестантам⁵¹. Такая графа была и в отчете ОЦБСС за 2008 г., где в качестве одной из задач отдела указывалось: «Заявить о недопустимости действий иностранных миссионеров, в том числе и тех, которые занимаются благотворительной деятельностью на канонической территории Московского Патриархата»⁵².

При этом у протестантов, несмотря на все противодействие православных приходов и администрации на местах, дела с реабилитацией наркоманов и алкоголиков обстоят гораздо лучше. По информации директора Славянского правового центра Романа Лункина, в России 6—7 тыс. протестантских церквей и групп, притом что зарегистрировано около 5 тыс. Практически каждая церковь занимается социальным служением и посещает детские дома, дома престарелых, приюты, больницы. После 2000 г. по большей части пятидесятники, у которых около 4 тыс. церквей и групп

из общего числа протестантов, стали создавать реабилитационные центры для нарко- и алкозависимых. Протестантских реабилитационных центров в России около 500 — от больших, таких как «Новая жизнь» в Ленинградской области, до располагающихся в специально купленных домах (родственники наркоманов обычно оплачивают проживание). Кроме того, большие протестантские объединения, особенно на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, создали свои благотворительные фонды, которые участвуют в социальных программах областных властей. Таких крупных фондов несколько десятков. Работают они на пожертвования верующих и государственной поддержки не получают. Финансовой помощи из-за рубежа сейчас тоже нет, так как после 2000 г. были приняты постановления правительства, сделавшие растаможивание гуманитарной помощи практически нереальной задачей⁵³.

Компенсаторные факторы. Патернализм и особенности социального пакета

Если пользоваться классификацией типов корпоративных культур Д. Зонненфельда, то корпоративная культура церковных организаций определенными чертами схожа с «оборонной культурой», в которой нет гарантии постоянной работы и которая характеризуется частыми реструктуризациями, сокращениями персонала, изменением условий мотивации работников, большой зависимостью от внешних воздействий. Но при удачном стечении обстоятельств такой тип культуры предоставляет неплохие возможности для харизматичных, уверенных в своих силах менеджеров, может стать трамплином карьерного роста отдельных работников⁵⁴.

В церковной системе организации труда есть факторы, компенсирующие и смягчающие приведенные недостатки, что все-таки способствует удержанию кадров, формированию своеобразной корпоративной системы, хромающей, но продолжающей существовать. В церковных организациях есть свои «социальные пакеты», особенностью которых являются разного внутреннего бесплатные услуги «по благословению»: сотрудник может рассчитывать на какую-либо специализированную помощь — в случае необходимости

руководитель может «благословить» кого-то из подчиненных на принципах общинности оказать помощь по починке компьютера, предоставить машину и т. п. Как правило, организуются бесплатные обеды, подарки в виде гуманитарной помощи, оплата проездных документов, а иногда индивидуальное оказание материальной помощи, непосредственно из рук руководителя в руки подчиненного.

Такой «социальный пакет» должен вызывать у сотрудников ощущение заботы корпорации о них. Но в еще большей степени он работает на патернализм — на поддержку иждивенческого сознания. Нередко дополнительные стимулы сопряжены со стремлением самих сотрудников видеть в начальнике не только служебного руководителя, но и покровителя, «отца». По типу корпоративная культура в церковных организациях также во многом схожа с «семьей»: начальник — «отец», остальные — «дети», призванные исполнять его распоряжения в формате «послушания». На работе сотрудник может чувствовать себя «в семье», получать некоторое ощущение восполнения того, чего ему недостает в собственной семье. Нередко женщины, работающие в церкви и испытывающие разлад в семейных отношениях, компенсируют дискомфорт от нарушения личной жизни путем вхождения в церковный коллектив, где начинают выполнять роль «жен-домохозяйек», стараясь обеспечить офисный уют в «семье», т. е. для «отца» и его «детей». «Руководитель-отец» чаще всего сам вполне принимает отведенную ему роль. Характерной формой «семейной жизни» являются паломнические поездки вместе с «отцом», «коллективные посиделки», выражающиеся в совместных трапезах, просмотрах фильмов, выслушиваниях рассказов из жизни «членов семьи». Здесь регулярно устраиваются чаепития. В отличие от внутрикорпоративных посиделок в светских учреждениях такие «общесемейные» чаепития проводятся с исключительной регулярностью, иногда даже ежедневно. Начальник подразделения примерно из десяти человек приглашает своих сотрудников «пить чай», нередко отрывая их от рабочего процесса, каким бы интенсивным он ни был.

Заметим, что большое значение в организации церковного учреждения имеет обаяние руководителя, его

харизма. Стимулом к исполнению служебных обязанностей часто выступают не профессиональные интересы, служебные инструкции и материальная заинтересованность, а «духовное», религиозно-эстетическое обаяние руководителя, облеченного священным саном. Многое зависит и от статуса и иерархического облика — от характера речи, проповеди за богослужением, качества его церковного облачения... Здесь можно даже говорить об определенном психологическом корпоративном и коллективном воздействии.

По сути именно в церковных организациях при задействованности в «православном труде» реализуется та общинность, которой не хватает в приходской жизни РПЦ, об отсутствии которой говорят уже давно, прежде всего в самом церковном сообществе. Нередко именно общинность, чувство личной причастности к церкви оказывается фактором, привлекающим сотрудника на церковной работе или удерживающим его там, — ведь, уйдя с нее, он окажется «вне общины». Сотрудники церковных организаций часто приходят на «церковную работу» не столько ради конкретного дела, сколько вследствие того, что не сложились их отношения со «светским миром».

Однако к самому «светскому миру», как автору не раз приходилось убедиться за время работы в церковных организациях, особенно в учреждениях Московской патриархии в 2005—2009 гг., формируется не только недоверие, но и своеобразное *иждивенческое отношение* — как к *потенциальному донору*. В силу неизбежного соприкосновения с этим «миром», не принимающим церковные нормы жизни, формируется двойственное отношение к нему. С одной стороны, на него смотрят как на виновника неудач и коллизий, в том числе и церковной жизни, а с другой — как на должника, обязанного поддерживать материально церковные организации, коль скоро их труд направлен на благополучие «этого мира». Создается настрой «на пожертвование со стороны этого мира», на уступку с его стороны. Типична ситуация, когда люди, связавшие свою профессиональную деятельность с церковью, занимают такую позицию: «Мы служим церкви и отечеству, поэтому общество должно заботиться о нашем пропитании, помо-

гать нам». Вырабатывается *психология просителя* и представления о светском мире как о *должнике*.

Психологический настрой на «опеку» и «патронат» формирует своеобразную «льготную стратегию». Сотрудники начинают ориентироваться не на заработок своими силами, а на помощь со стороны «более сильного». Формируется привычка вытребования разного рода льгот — будь то посещение музеев, выставок, аренда места в гостинице, проезд на общественном транспорте и т. д. При организации церковно-общественных мероприятий их организаторы, как правило, просят выделить помещения либо обеспечить льготную аренду залов, оплатить питание. Все это ожидается от общества в качестве благотворительного пожертвования. Не стоило бы видеть в этом что-то предосудительное, если бы сама церковная социосреда являла собой пример привлекательного построения межличностных отношений в организации социальной деятельности. К сожалению, как мы показали, пока такого примера церковный социум не являет. В итоге получается, что он предлагает обществу разговор о том, «как нужно жить», сам не обладая при этом социальной самодостаточностью и культурой солидарности.

Заключение

В целом можно констатировать, что специфика деловых отношений в церковных организациях в настоящее время проигрывает в сравнении с тем, что есть в светском обществе. Несмотря на широковещательные жесты, декламацию и обильную критику нынешнего светского капиталистического типа хозяйствования, церковь в лице большей части созданных ею организаций пока не показывает примера привлекательной корпоративной этики. Так и не прописаны основы организации труда в православных учреждениях или в учреждениях, осуществляющих социальное служение.

Конечно, церковное руководство сегодня уделяет серьезное внимание администрированию, стараясь наладить систему профессиональной подготовки кадров

в сферах своей деятельности — миссионерства, социальной работы, духовно-нравственной работы в школах и вузах и т. п. Однако в заключение еще раз подчеркнем проблему *недостатка солидарности* в церковном социуме. В контексте этой проблемы администрирование может вести к бюрократизации и даже к подавлению тех инициатив, которые предпринимаются, хотя и хаотически. Представляется, что церкви необходимо выработать своего рода этико-трудовой кодекс для организационной внекультовой деятельности — принять в расчет, что правила взаимоотношений и субординации между священниками, вдохновленные монашеской аскетической этикой, не могут автоматически экстраполироваться на мирян. Необходимо обратить внимание не только на административные, но и на этико-поведенческие и психологические причины сбоев социальной работы.

До тех пор, пока не будет преодолен дефицит солидарности в церковной культуре взаимоотношений или хотя бы поставлен вопрос о его преодолении, вряд ли церковный социум, или, как сейчас говорят, церковная социосреда обретет самодостаточность, необходимую для решения социальных проблем российского общества.

Есть еще один важный момент. Социальные неудачи, неумение распределить имеющиеся финансы заставляют церковь искать поддержки у государства, а также находиться в зависимости от бизнеса. В результате отсутствия самодостаточности своей социальной среды церковь так или иначе вынуждена в поисках «светской» поддержки подстраиваться под те или иные «мирские» формы, перенимать болезненные явления у общества вместо того, чтобы оздоравливающим образом воздействовать на него.

Отдельные представители церкви признают это уже не первый год. Сегодня церковь более комплексно пытается анализировать разные проблемы, в том числе и внутреннего характера, осмысливать те недостатки, которые проявились во время патриаршества Алексия II. От того, насколько честно ей удастся на них посмотреть и признать, зависят ее будущее как социального института и миссия ее социального служения.

Примечания

- 1 Новое в законодательстве: поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1416147.html>, 12 июня 2010 г.
- 2 <http://www.diaconia.ru/articles/documents>.
- 3 Список обществ православных врачей России // <http://www.diaconia.ru/articles/doctors/cpisok-obshhestv-pravoslavnykh-vrachej-rossii>.
- 4 *Серафим (Кравченко), иеромонах.* Церковь и медицина: вклад Отдела по церковной благотворительности и социальному служению Московского Патриархата в развитие диалога и двусторонних отношений: Доклад на XV Международных Рождественских образовательных чтениях (публикация на сайте «Prokimen.Ru» от 28 февраля 2007 г. — ныне не доступна). — Архив автора.
- 5 База данных по социальному служению Русской Православной Церкви // <http://www.miloserdie.ru/social>.
- 6 Все о православной службе «Милосердие» // <http://www.miloserdie.ru/friends/about>.
- 7 Фактически налицо попытка систематического закрепления храмов за социальными городскими службами, попытка выстроить социальную работу в соответствии со структурой социальных учреждений — иными словами, выстраивания церковной системы социальной опеки как части общей муниципальной социальной структуры или попытка сделаться составной частью этой структуры.
- 8 <http://www.miloserdie.ru/database.php?fid=3&geo=moscow>.
- 9 *Абрикосов С.* Великий отечественный пожар // Православие и мир. — 2010. — 2 сент. (<http://www.pravmir.ru/velikij-otechestvennyj-pozhar>).
- 10 Патриаршее обращение в связи со стихийными бедствиями — засухой и массовыми лесными пожарами в России // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1236518.html>, 1 авг. 2010 г.
- 11 *Данилова А.* Один за всех // Православие и мир. — 2010. — 6 авг. 2010 г. (<http://www.pravmir.ru/odin-za-vsex>).
- 12 *Пантелеимон (Шатов), епископ.* Невидимый пожар продолжается // Videоблог епископа Пантелеимона (Шатова). 07.09.2010 — <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=2&s=91&id=13076>.
- 13 *Серафим (Кравченко), иеромонах.* Указ. соч.
- 14 *Белановский Ю.* Возрождение семьи — общецерковная задача: Размышления о наших ресурсах // <http://www.cdrm.ru/project/rch-2007/03.htm>. Заметим, что семьи священников в силу их уникальности не могут быть показательным примером для подражания.
- 15 Священный Синод одобрил деятельность Братства православных следопытов // <http://www.patriarchia.ru/db/text/80389.html>, 6 марта 2010 г.

- 16 *Читин С.* Борис Якеменко: Стране нужны православные активисты (интервью Б. Якеменко приложению газеты «Церковный вестник», подготовленному совместно с журналом «Татьянин День») // <http://www.taday.ru/text/261254.html>.
- 17 Воскресные школы в епархиях Русской православной церкви: Сведения из годовых отчетов епархиальных отделов религиозного образования и катехизации за 2008 г. // http://www.otdelro.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=39&Itemid=94.
- 18 Эту статистику в официальном издании Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ автору настоящей статьи рекомендовали не публиковать, ссылаясь на то, что реальные цифры, показывающие малый процент поступающих в духовные семинарии, повредят гимназиям в плане отношений с церковной администрацией, подорвет их авторитет в глазах священноначалия.
- 19 Бывший председатель Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ архимандрит Иоанн (Экономцев) приводил на последних «Рождественских чтениях» завышенную цифру — 200 гимназий, что не подтверждает база данных самого отдела, согласно которой число гимназий не превышает 150, причем некоторые из них представляют собой обычные государственные средние школы, которыми руководят православные директора. Они не создавались церковными силами, их нельзя считать плодом социальной деятельности РПЦ.
- 20 О трудностях в организации православных гимназий сегодня говорит руководитель Отдела религиозного образования и катехизации епископ Меркурий, отмечая случаи, когда «создание православной школы или гимназии оборачивается крахом и скандалом даже на епархиальном уровне». Некоторые гимназии, по его словам, представляют собой «просто руины здания, но на нем висит табличка с золотыми буквами: “Православная гимназия”». См.: *Епископ Запайский Меркурий*. Идите и говорите людям от сердца // <http://www.patriarchia.ru/db/text/754542.html>.
- 21 *Иоанн (Экономцев), архимандрит*. Проблемы и пути развития религиозного образования в России: Доклад на XVII Международных Рождественских чтениях // Портал-Credo.Ru. — 2009. — 17 февр.
- 22 Заметим, что в данном случае речь идет не о 80% номинальных православных, а о людях, вовлеченных в церковную жизнь, не ограничивающихся лишь участием в церковных обрядах, а в той или иной степени живущих интересами церкви.
- 23 См.: *Белановский Ю. С.* Возрождение семьи — общецерковная задача. Размышления о наших ресурсах // <http://www.cdrfm.ru/project/rch-2007/03.htm>.
- 24 В 2007 г. руководитель Православного центра духовного развития детей и молодежи Юрий Белановский отмечал, что в подавляющем большинстве случаев зарплата подвигающихся на церковной ниве

- людей для Москвы не превышает 200 долл. при прожиточном минимуме 300 долл. на человека и 600—700 долл. на семью. См.: *Белановский Ю. С.* Указ. соч.
- 25 *Прокудин Е.* Запись из интернет-дневника // <http://www.liveinternet.ru/users/1078978> (В настоящий момент эта запись удалена из дневника, однако автору удалось ее сохранить. — Б. К.).
- 26 Свод этических правил хозяйствования // <http://www.mospat.ru/archive/6353.html>, 3 февраля 2004 г.
- 27 Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на втором заседании Координационного комитета по поддержке социальных, образовательных, информационных, культурных и иных инициатив под эгидой Русской Православной Церкви // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1419275.html>, 1 марта 2011 г.
- 28 В «Братьях Карамазовых» старец Зосима приводит признание одного доктора: «В мечтах я нередко, говорит, доходил до страстных помыслов о служении человечеству и, может быть, действительно пошел бы на крест за людей, если б это вдруг как-нибудь потребовалось, а между тем я двух дней не в состоянии прожить ни с кем в одной комнате, о чем знаю из опыта. Чуть он близко от меня, и вот уж его личность давит мое самолюбие и стесняет мою свободу. <...> Я, говорит, становлюсь врагом людей, чуть-чуть лишь те ко мне прикоснутся. Зато всегда так происходило, что чем более я ненавижу людей в частности, тем пламеннее становилась любовь моя к человечеству вообще».
- 29 В больших организациях последнее слово может принадлежать епископу. Например, руководителем Церковно-научного центра «Православная энциклопедия» долгое время официально был не Сергей Кравец, который реально руководил этой работой, а архиепископ Истринский Арсений (Елифанов).
- 30 Из личного дневника автора.
- 31 Из личного дневника автора.
- 32 Он отмечает, что «...изначально идея послушания просто описывает соотношение своей воли с волей Бога (или, что во многом то же самое, — соотношение дел и веры), с тем чтобы прийти к спасению. Однако с какого-то момента точно так же, как это, по мнению Вебера, совершилось в протестантизме, данная категория соотношения воли получила свой референт внутри мира. Так или иначе, в монастырских уставах и в монастырской практике послушание и труд стали если не синонимами, то по крайней мере сопряженными понятиями». См.: *Забавин И.* Основные категории хозяйственной этики современного русского православия: анализ социально-экономических доктрин РПЦ и хозяйственной практики монастырских общин. — М., 2006.
- 33 *Белановский Ю. С.* Указ. соч.
- 34 Такие ситуации происходят и в приходских управлениях РПЦ.
- 35 Если член приходского собрания не исполняет хотя бы одну из обязанностей, предусмотренных специальным пунктом устава,

«Епархиальный архиерей единоличным решением вправе исключить всех (часть) членов из состава Приходского собрания и включить в его состав новых членов по собственному усмотрению». Понятно, что слово «собственное усмотрение» дает возможность архиерею достаточно произвольно трактовать «неисполнение обязанностей» и принимать решения... Во время беседы со священниками Кировской и Тульской епархий в 2010 г. автору статьи приходилось неоднократно слышать жалобы духовенства на усиление незащищенности от произвола церковной власти. Содержание устава см. подробнее: Типовой Устав Местной религиозной организации православного прихода РПЦ МП // http://krotov.info/acts/21/2000/2009_11_ustav.htm.

- 36 Интересно, что подобный этикет распространен именно в Русской православной церкви Московского патриархата, а отнюдь не повсеместно в православии. Заметим, что для архиереев Зарубежной церкви это не столь значимо. Деловая переписка в РПЦЗ не требует использования приведенных вычурных форм. Например, архиепископ Берлинский и Германский Марк (Арндт) в общении к мирянину подписывается «Ваш, архиепископ Марк».
- 37 *Кураев А., протодиакон.* Крепостное право от владыки Евлогия // <http://diak-kuraev.livejournal.com/38624.html>.
- 38 *Свт. Игнатий Брянчанинов.* Приношение современному монашеству // *Свт. Игнатий Брянчанинов.* Собр. соч. — Т. 4. — М., 1995. — С. 45.
- 39 *Лазарь (Абашидзе), архимандрит.* О тайных недугах души // <http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=7>.
- 40 См.: *Нейфах Г. А., протоиерей.* Почему не проходит печаль? // Православие и мир. — 2009. — 15 июля. (<http://www.pravmir.ru/pocemu-ne-proxodit-pechal>). Подобным образом рассуждает и протоиерей Аркадий Шатов: «Мы все стремимся к тому, чтобы все у нас было хорошо, и этого неосознанно или сознательно ждем. А христианин должен всегда ждать искушения и быть готовым его встретить». См.: *Шатов А., протоиерей.* Как добровольцам избежать профессионального выгорания // <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=1&s=78&id=10402>. 22.10.2009.
- 41 *Шатов А., протоиерей.* Указ. соч.
- 42 «Вот скажите мне, пожалуйста, как эти три вещи — здоровье, богатство и слава и парные их противоположности — болезни, потери и клевета связаны с тремя главными страстями? Здоровье — сластолюбие, слава — славолюбие, потери — сребролюбие. Видите, оказывается, Господь, попуская нам такие искушения, хочет прижечь в нас главные страсти. Т. е. если нам посылается болезнь, мы должны Бога благодарить, потому что Он учит нас избегать сластолюбия». См.: *Шатов А., протоиерей.* Указ. соч.
- 43 Там же.

- 44 См.: *Епископ Зарайский Меркурий*. Идите и говорите людям от сердца // Официальный сайт Русской православной церкви — <http://www.patriarchia.ru/db/text/754542.html>.
- 45 См.: *Епископ Зарайский Меркурий*. Указ. соч.
- 46 *Белановский Ю. С.* Указ. соч.
- 47 Сегодня «Анонимные наркоманы» — одно из самых известных и мощных движений помощи наркоманам во всем мире. В последнее время большой проблемой стала еще одна социальная зависимость — пристрастие к азартным играм. Так появились группы «Анонимных игроков», работающие по тем же 12 шагам. См.: Православная церковь и программа «12 шагов»: Опыт Данилова монастыря // <http://www.cdrfm.ru/project/12-aa/12-aa.htm>.
- 48 Причина неприятия программы «12 шагов» лежит в области языка современной миссии, считает игумен Петр (Мещерин) // <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=23765>.
- 49 *Боженев А.* О маргинальности «православного» информационного агентства «Русская линия» // <http://alex-bozhenov.livejournal.com/1549.html>.
- 50 Такое название есть в реестре Комиссии по церковной социальной деятельности при епархиальном совете Москвы. См.: <http://www.miloserdie.ru/database.php?fid=3&dtype=30>.
- 51 Характерна позиция, когда апологет традиционных методов реабилитации РПЦ утверждает, что основное лечение — это воцерковление и без воцерковления с зависимостью бороться невозможно.
- 52 Отчет о деятельности Отдела по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви в 2008 году. — Личный архив автора.
- 53 *Лукин Р.* Красноярский край: сибирский образ социального партнерства власти и религии // *Russian Rev.* — 2010. — № 5. (http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition45/03-rom-about-krasnoyarska.html).
- 54 См. подробнее: *Трояновский Д.* В кризис выживают только бейсболисты // *Новые новости Infox.* — 2009. — 16 окт. (<http://infox.ru/wallet/toraise/2009/10/15/corporation.phtml>).

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИ НОВОМ ПАТРИАРХЕ

Под редакцией Алексея Малашенко
и Сергея Филатова

Редактор *А. И. Иоффе*
Дизайн серии «Ваггу&Вром»
Дизайнер *Я. Красновский*
Компьютерная верстка *И. Королев*

В оформлении переплета использована
фотография «РИА “Новости”» «Патриарх
Кирилл совершает поездку по Русскому
Северу», автор *Сергей Пятаков*

Подписано к печати 30.09.11
Формат 60x90 1/16.
Гарнитура Baskerville Cyrillic
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 26 Заказ №
Тираж 1500 экз.

Издательство «Российская политическая
энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82
Тел. 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая образцовая типография»,
филиал «Ульяновский Дом Печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В книге анализируются главные проблемы, стоящие перед Русской православной церковью, основные направления и новые тенденции в ее духовной и мирской деятельности. Обновление РПЦ связано с именем нового патриарха Кирилла, который стремится развивать миссионерство, выступает за воцерковление людей, индифферентных к вере и являющихся православными лишь формально. При новом патриархе церковь все активнее проникает в общественную жизнь, укрепляется в системе образования, в вооруженных силах. В статьях сборника также отмечаются и политические амбиции РПЦ.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР